
АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД КАВЕЛИН

СТАРЫЙ ИЕРУСАЛИМ
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
ИЗ ЗАПИСОК ИНОКА-ПАЛОМНИКА

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР

«ИНДРИК» 2008

Востонохристианский мир

Леонид Кавелин

**Старый Иерусалим и
его окрестности. Из
записок инока-паломника**

«Индрик»

2008

Кавелин Л.

Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инок-паломника
/ Л. Кавелин — «Индрик», 2008 — (Восточнохристианский мир)

В заглавие книги архимандрита Леонида не вынесено слово «Путеводитель», хотя сам он и называет свой труд именно так. Это объясняется тем, что книга уже в момент издания выходила далеко за рамки своего внешне утилитарного назначения. Сегодня «Старый Иерусалим и его окрестности» востребован археологами, литургистами, искусствоведами, историками, всеми интересующимися историей Иерусалима и Святых мест. Созданная как авторский научный продукт книга архимандрита Леонида стала в наши дни самостоятельным источником и прекрасным «Путеводителем» для изучения русского паломничества, истории, культуры, религии, топографии и быта Иерусалима 50-х годов XIX века.

Содержание

Предисловие	6
Яффа	8
Дорога от Яффы до Рамли	17
Дорога от Рамли до Иерусалима	21
Взгляд на исторические судьбы Святого Града	27
Первые четыре дня в Иерусалиме русских поклонников	32
День первый	33
День второй	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Архимандрит Леонид Кавелин
Старый Иерусалим и его окрестности.
Из записок инок паломника

© Издательство «Индрик», 2008

Предисловие

Подобно Нестору наших паломников игумену Даниилу, пробывшему в Святом Граде 16 месяцев, Господь привел и мне, чрез 700 с лишком лет после него посетившему Святой Град, пробывать в оном также 16 месяцев (с 1 февраля 1858 по 20 мая 1859 года). В это время я успел познакомиться довольно подробно со всеми Святыми местами, также подобно Даниилу не щадя из того, что имел у себя в руках «добытку», и расточая его всем могущим рассказать мне о Святых местах, как внутри города, так и вне оного находящихся. Подобно же Даниилу, говоря его словами, «приплоди и мне худому Бог обрести в лавре Св. Саввы мужа свята, стара и книжна вельми и тому мужеву святому вложи Бог в сердце любить мя вельми худаго. И той ми указа добре вся места святая во Иерусалиме, и по всей той земли (святой), и сказа ми о них вся, от святых книг испытана добре»¹.

Три раза сподобил меня Господь в разные времена года быть на Иордане, два раза в Назарете, около Тивериадского моря и на Фаворе, два раза имел я удовольствие встречать и провожать в Святом Граде Иерусалимского патриарха блаженнейшего Кир Кирилла, что, как известно, составляет великую редкость, ибо некоторые из предшественников его блаженства скончались не видав Святого Гроба. А конец моего пребывания в Святом Граде ознаменовался событием, подобного которому не было в летописях Иерусалима со времени Византийского императора Ираклия: в мае 1859 года посетил Святой Град Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич с благоверною своею супругою и первенцем сыном. Вскоре после его отбытия и я простился с Святым Градом, унося в сердце своем самые неизгладимые воспоминания о Святых местах нашего искупления.

Проживая в Иерусалиме, свободное от церковно-служебных обязанностей время² употреблял я частью для беседы о Святых местах с людьми близко знающими оные, частью для посещения сих Святых мест с целию основательного изучения оных; во время же поездок по окрестностям Святого Града и дальним Святым местам, каковы Иордан и Галилея, я старался не столько следовать указанию западных писателей, сколько поверять драгоценные сказания нашего первого паломника, «мниха Даниила» и имел приятный случай убедиться, что эти сказания, как заимствованные из самого вернейшего источника, «сказания мужа свята, ветха деньми и книжна вельми, жившего в Галилее 40 лет и в лавре Св. Саввы 20 лет», вполне согласны с преданиями греческими и во многом опровергают показания латинских писателей, основанные на показаниях францискан и разных «чичероне» из «Казановы», владельцы которой, соперничая постоянно с греками в обладании Святыми местами, успели исказить и затмить многие православные предания о Святых местах, что, к сожалению, отразилось на сочинениях некоторых из наших новейших паломников.

Возвратясь из Иерусалима, я не имел времени тотчас привести в порядок свои «Палестинские записки», большая часть коих была писана урывками во время странствований и притом карандашом, как вдруг совершенно неожиданно для меня получил приглашение составить что-либо вроде *путеводителя* для русских поклонников Святого Града. Это заставило меня снова обратиться к своим забытым запискам и привести их в порядок преимущественно с вышеупомянутою целью; и хотя им не пришлось упредить появление в свет путеводителя, изданного в 1863 году Н. Б., составленного для русских поклонников «по иностранным гидам», и мои записки спокойно пролежали под спудом до настоящего времени, но так как доселе нет еще в русской литературе путеводителя, удовлетворяющего достаточно требуемым условиям, то можно надеяться, что и мои записки о «Старом Иерусалиме» не покажутся ни слишком

¹ Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 20, 92.

² По званию члена Иерусалимской Духовной Миссии.

старыми, ни излишними для истинно русских людей, для каковых они и предназначены были. Имея в виду, что большинство наших поклонников принадлежит к среднему и низшему сословию, я старался изложить мои «путеводные записки» в такой форме, чтобы они были доступны пониманию этого большинства и удовлетворяли его религиозному вкусу, впрочем не корча простонародного языка. С другой стороны, сохраняя безыскусственную форму записок очевидца всего описываемого, надеюсь, что заключающиеся в них подробности не лишены будут интереса и для всех тех, кто не смотрит равнодушно на так называемый «вопрос о Святых местах», которому не всегда же суждено оставаться в форме вопроса, по сказанному в Писании: «Иерусалим будет предан на поправление языков, *дондеже* окончатся времена язык». Чтый да разумеет.

Один из красноречивых западных паломников справедливо заметил, что по Святой Земле надобно путешествовать с Библиею в руках и с Евангелием в сердце. Нам видится, что между большинством западных туристов и русских богомольцев именно та разница, что первые точно все почти путешествуют с Библиею в руках, а наши, хотя и без Библии, но с Евангелием в сердце (само собою разумеется, что в том и другом случае бывает не без исключений). К числу различий между теми и другими принадлежит между прочим и то, что на Востоке даже римско-католические монахи путешествуют с оружием в руках³, а наши паломники из отставных солдат, не покидая своего военного костюма, не боятся ходить везде с палочкою в руках и обезоруживают смельчаков одною своею кажущеюся беспечною, основанною в большем числе случаев на той вере, что нет ничего в мире тверже креста и безопаснее Распятого.

Если записки мои и не будут в строгом смысле слова соответствовать условиям систематического путеводителя, в котором по необходимости приходится жертвовать многими любопытными подробностями системе, тем не менее надеюсь, они могут служить по крайней мере добрым «указателем» при посещении Святых мест для благоговейных поклонников оных. Повторяю, что, согласно вышеозначенной цели, я имел хотя не исключительно, но преимущественно большинство наших поклонников, их нужды, взгляды и вкусы. Соответствует ли посильный труд мой моему желанию, принадлежит судить им. Мне же, как иноку-паломнику, прилично будет повторить в заключение всего сказанного смиренные слова Нестора наших паломников мниха Даниила: «Братие и отцы и господие мои, простите мя и чем буду описахся, не зазрите моему художеству и грубости моей, еже написах о Святом Граде Иерусалиме и о земле той святей и о пути сем святем. Да се исписах путь сей и места си святая, ее возношася, ни величася путем сим, яко добро сотворив что на пути сем, не буди то: ничтоже бо не сотвори добра на пути сем. Но любве ради святых мест сих, написах все еже видех очима своима грешныма, дабы не в забвении было то, еже ми показа Бог недостойному видети».

Новый Иерусалим, 1869 года

³ Сам латинский титулярный Патриарх Иерусалимский монсеньор Валерга в числе своих достоинств считает не малым и то, что он собственноручно убил где-то в Сирии несколько бедуинов при нападении на его эскорт, и несмотря на это спокойно священнодействует, тогда как по каноническим правилам нашей Церкви священнику, обагрившему руки человеческого кровию по какому бы то ни было случаю, нельзя приносить бескровной жертвы.

Яффа

Прибытие в Яффу. – История города. – Вид его. – Жители. – Пристань. – Советы богомольцам. – Греческий монастырь Св. Георгия. – Русский приют. – Явка в консульство и сдача денег. – Сады яффские. – Произведения палестинской почвы. – Абдул-Ахаб. – Выезд из Яффы.

Ночь, предшествующая прибытию в Яффу, проходит для большинства русских поклонников в томительном ожидании, без сна. Многим кажется, что они уже видят вдали возделенный берег. Но лишь утром или в полдень следующего дня ожидания исполняются, видения обращаются в действительность. Пароход бросил якорь в виду Яффы. Мы говорим: в виду, потому что порт Яффский, хотя и древнейший, но вместе с тем опаснейший в свете; говоря же правду, здесь нет порта, и суда вынуждены бывают становиться на якорь в довольно большом расстоянии от города и в случае бури или даже сильного ветра с моря спешно разводят пары и пускаются в открытое море из опасения быть разбитыми о подводные скалы, которые сплошной грядою опоясывают Яффский порт, оставляя лишь два небольшие прохода, через которые могут проходить арабские лодки, управляемые сильными и привычными гребцами. Подводные скалы эти некоторые считают за остатки старинного мола.

В ожидании, пока будут исполнены пароходным начальством обычные формальности в отношении карантина и все будет готово для высадки пассажиров, вы будете иметь довольно времени налюбоваться видом Яффы, а я рассказать вам историю этого древнейшего в мире города.

Яффа, основателем которой почитают Иафета, сына Ноева, удержала свое древнее название, ибо у евреев она называлась Яфа, что означает «красота», по причине ее красивого местоположения и прекрасных садов. Греки называли это место Иоппе, производя это название от Иоппы, дочери Эола, мифологического (баснословного) бога ветров.

В Новом Завете она известна под греческим именем Иоппии. Предание утверждает, что здесь Ной построил свой ковчег и отсюда поплыл он, когда воды потопа покрыли землю. Но и минуя предание, все-таки Яффа принадлежит к древнейшим городам и портам, ибо Иисус Навин уже вспоминает о ней как о старинном городе. Продолжая историю Яффы, видим, что во времена Соломона она была единственным портом Израиля и туда доставлялись морем ливанские кедры и другие материалы для построения иерусалимского храма. Пророк Иона, не желая объявлять ниневитянам об ожидавшей их гибели и потому бегая от лица Господня, удалился в Иоппию, чтобы поплыть отсюда в Тарсис, и к этому же месту относится библейское сказание о том, как он «ят бысть, но не удержан в персях китовых» во образ тридневного погребения и воскресения Господа нашего Иисуса Христа, как Он Сам засвидетельствовал о сем в Евангелии, говоря неверующим в Него иудеям: «не дастся вам иного знамения, кроме знамения Ионы пророка». Так в преддверии Святого Града, при первом шаге на Святую Землю, встречает вас прообраз великих таинств, в нем совершавшихся – смерти и воскресения Начальника нашей веры. В истории Маккавеев читаем, что Иуда добыл Яффу и отомстил смерть своих братьев, изменнически убитых ее жителями, тем, что сжег порт и корабли, в нем стоящие; позже Ионафан и Симон Маккавеи добыли этот город у сирийцев и укрепили его. Вот важнейшие события Яффы перед христианскою эпохою. По пришествии Христовом многие ученики Его проживали в Яффе поблизости ее к Иерусалиму и в особенности святой апостол Петр, который воскресил здесь Тавифу. Известно из книги апостольских Деяний, что, будучи вызван из Лидды, он уже застал мертвую эту благочестивую вдовицу; с плачем окружили апостола Христова все вдовицы, показывая ему одежды, которые им сшила своими руками Тавифа, исполненная, по словам святого сказания, «благих дел и милостыни». Тронутый их печалью, святой Петр вос-

кресил эту женщину, и многие через это чудо уверовали во Христа и таким образом Церковь процвела в Яффе.

Памятником этого чудесного события указывают ныне за городом в открытом поле каменистый холм и в нем погребальную пещеру, называя ее местом погребения Тавифы. Известно также, что святой апостол Петр проживал здесь некоторое время в доме Симона усмаря (кожевника), и в его-то доме, молясь на террасе, он имел чудесное видение: отверзлись небеса, и спустилась плащаница, в которой находились всякие четвероногие земные – звери, гады и птицы небесные, и услышался голос: «Заколи и ешь»; когда же Петр отвечал, что он не ест нечистого, тот же голос возразил ему: «Что Бог признал чистым, того ты не почитай скверным». Это видение, упредившее крещение Корнилия сотника, первого христианина из язычников, служило извещением апостолу из иудеев, что Господь наш Иисус Христос, в неисчерпаемом милосердии своем, никого не устранил от спасения, не ограничил его одним каким-либо временем, местом и народом, но благоволил призвать к нему всех, «да вси в Нем едино будут», желая, чтобы все верующие в Него составили одно семейство, ибо имеют одного Отца, «иже на небесех».

Монастыри, греческий и латинский, находящиеся не в дальнем расстоянии один от другого и от моря, оспаривают себе честь построения на месте дома Симона усмаря, и, может быть, оба имеют на это право, ибо в книге Деяний просто сказано, что дом Симона был на морском берегу.

Дальнейшая судьба Яффы была несчастна: ее неоднократно разоряли до основания разные неприятели.

Когда евреи взбунтовались против римлян, Сестий обложил Яффу, взял и сжег ее, избивши восемь тысяч жителей; хотя она вскоре обстроилась снова, но служила убежищем корсарам (морским разбойникам), а потому Веспасиан сровнял ее с землею и поставил на месте города крепость.

Около крепости мало-помалу возник новый город, который был резиденциею православного епископа от времен Константина Великого до взятия города сарацинами и (арабами) в 636 году. Крестоносцы восстановили христианское епископство, но уже латинское, подчинив оное митрополиту Кесарийскому. Но по изгнании из Святой Земли крестоносцев Бибарс, султан египетский, в 1268 году разрушил крепость и все христианские драгоценности, какие только нашел в Яффе, употребил на создание мечети. С тех пор Яффа сделалась городом мусульманским. Один из поклонников XVI века описывает современное ему положение Яффы так: «Город этот перед тем стоял на горе, а теперь все разрушено кроме одной башни, в которой живет стража. На морском берегу есть несколько древних жилищ, в которых мы укрылись». С XVI века Яффа очень оправилась. Турки построили там цитадель, которую взяли французы в 1799 году, а последний раз прославил имя Яффы первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт, посещавший в бытность свою в этом городе зараженные моровым поветрием госпитали. Местные жители и до сих пор вспоминают имя гениального полководца, указывая на карантинные здания, где помещался тогда французский госпиталь. Наконец, в 1832 году египетский военачальник Ибрагим-паша занял Яффу, а по выступлении его из Сирии древняя Иоппия возвратилась под турецкое правление, ничем особенным для нее не замечательное.

Нынешняя Яффа, если смотреть на нее с моря, лежит на красивом холме, подножие которого как бы тонет в воде, а вершина увенчана зеленью. Сады служат в этой картине за террасы; над ними высятся полукруглые купола домов и наконец минареты, верхи которых купаются в прозрачной и теплой атмосфере. Город построен амфитеатром, довольно велик; в нем считается около шести тысяч жителей одних мусульман-арабов. Число христиан всех вероисповеданий не превышает пятисот человек. Опоясан старыми стенами, на которых стоят еще кое-где не менее старые орудия. В главных городских воротах и нескольких прилежащих улицах, которые составляют базары, довольно движения, зато остальные мертвы и пусты. Улицы

состоят из каменных домов, но грязны и нечисты. Крыши домов – то совершенно плоские, то с куполами. Мечетей несколько, но ни одна не отличается изяществом архитектуры. Одежда мужчин, как и всех арабов-горожан: халат, а сверху плащ абба и на бритой голове чалма; зато по убору женщин тотчас можно узнать, что яффское народонаселение родственно с египетским. Они носят тунику голубого цвета, сверху длинные покрывала, обыкновенно белые, а лицо закрывают черной маской, прикрепленной ниже глаз металлическим обручем, идущим поверх головы через лоб, подобно женщинам в Каире. Глаза их обыкновенно болезненные, ибо здесь сильно царствует офтальмия (воспаление глаз). Но вот пароход наш окружили арабские магоны (лодки), гребцы которых с трудом держатся за пароход, шумят и спорят, зазывая к себе наперерыв пассажиров. Советуем не торопиться, ожидая распоряжения командира парохода и прибывшего из города вице-консула и с ним агента нашего пароходного общества. Тяжелые вещи будут нагружены в одну большую барку и в целости доставлены на пристань, а легкие, как-то: узлы, дорожные мешки и котомки – можно взять с собою на руки. Садиться на лодку при малейшем волнении так же трудно, как и въезжать в порт не безопасно даже для привычных арабских лодок, ибо пристань Яффская совершенно открыта и морские волны с шумом и пеною постоянно перебрасываются через преграду, которая, как говорят, некогда составляла мол, а теперь эти развалины едва лишь обозначают линию порта торчащими под водою обломками подводных стен; благодаря им волнение в порте еще сильнее, нежели в открытом море; гребцам надобно улучать способную минуту, чтобы с попутным валом попасть в порт через отверстие в несколько аршин ширины; при малейшей неосторожности или неловкости можно удариться о подводные камни. Здесь-то во всей своей силе выказывается искусство арабских лодочников, которые, подъезжая к проходу между камнями, начинают грести дружнее и сильнее и, управив лодку на хребет попутного вала, вдруг оставляют весла, и вал быстро переносит магону сквозь узкие ворота, за которыми мгновенно утихает ярость волн.

Выход на пристань тоже крайне неудобен, особенно для женщин; он совершается посредством высокой лестницы, которая свешивается с подмосток в воду, – желание поскорее ступить на Святую Землю много затрудняет порядок высадки. Это обстоятельство заставляет арабских лодочников собирать с пассажиров плату за проезд от парохода до пристани; причем по незнанию языка и обычаев возникает нередко шум и спор, неприятно действующие на поклонников. Во избежание этого советуем раз навсегда, каждому иметь в готовности и вблизи мелкую турецкую монету – парички, левы, пиастры и пятилевники, которые в этой стране бакшишей (подарков) скоро и удобно разрешают все недоумения и устраняют многие мелкие неприятности. Но повторяю, что мелкие деньги надобно иметь и держать постоянно поближе под рукой, отдельно от крупных, во избежание соблазна для чужих глаз, отделяя и из этого запаса заранее одну или две монеты для предстоящей надобности. Предосторожность необходимая, потому что алчность араба к деньгам увеличивается соразмерно числу их, а дерзость доходит иногда до того, что он готов бывает при мальски благоприятном случае и насильно овладеть чужою собственностью, хотя в то же время воровство не составляет его главного порока. Едва вы успеете ступить на твердую землю, вас окружают со всех сторон с предложением своих услуг хамалы, или носильщики. Не слишком бойтесь их видимой навязчивости, ибо это народ хотя и бедный, но трудолюбивый и честный; дорожа правом без затруднения исполнять выгодное ремесло, они всячески чуждаются мелкого воровства. Итак, отдав одному из них свои вещи, ступайте без сомнения по следам его, – он приведет вас прямо в греческий странноприимный монастырь или через него в русский странноприимный дом.

Греческий монастырь Св. Георгия находится на самой набережной. Несмотря на свое недавнее обновление, он имеет вид векового здания. Как все восточные монастыри, он обширен и расположен применительно к местности, без всякой симметрии; двухэтажные его террасы соединены между собою несколькими переходами, так что в них легко можно заплутаться, пока порядочно не освоишься с местом. На верхней террасе возвышается церковь – продол-

говатое здание домово́й архитектуры; почти в одну линию с нею, подалее на восток, корпус для богомольцев благородного сословия – с окнами на море; перед церковью с северной ее стороны открытая терраса, составляющая крышу зданий нижнего этажа; у самого барьера над морем дом игумена; в нижнем ярусе монастырских зданий помещения для простых богомольцев, склады для тяжелых вещей и довольно тесный двор для лошадей, мулов, ослов и их погонщиков.

Помолясь в монастырской церкви, отрадно отдохнуть на этой террасе после благополучного окончания дальнего плавания, смотреть отсюда на вечно ропшущее море и на привезший вас пароход, с которым вы успели уже свыкнуться во время дальнего плавания; но вот он разводит пары, спеша оставить опасный для него берег – и несмотря на радость, что вы достигли желаемой цели, вам становится грустно при мысли, что этот крылатый гость спешит на родину, и вы молча шлете с ним поклон ей и всему, что мило в ней вашему сердцу.

Приятно также после дневного зноя на этой террасе подышать прохладой морского ветра. А когда смотрите отсюда, как при малейшем ветре бушуют и ярятся волны, – невольно сердце проникается страхом и благоговением при мысли о миношедшей опасности, и уста сами собою лепечут благодарную молитву за благополучное окончание небезопасного плавания Тому, Кто повелевает буре, – и становится тишина, и умолкают волны морские (Пс 106, 29).

До 1859 года все русские поклонники исключительно останавливались в греческом странноприимном монастыре, а с этого года заведен здесь попечением правительства особый русский приют в доме, уступленном нам в наем Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским Кириллом. Дом этот приспособлен сколько можно для временного приюта поклонников; в нем сделаны кухни и необходимая утварь и посуда; пищи же не предлагается, ибо желающие на яффских рынках могут найти все им необходимое по довольно умеренным ценам. Приют же здесь дается даром с правом выждать в оном отправления первого каравана в Иерусалим или первого русского парохода, отходящего в Царьград.

Заведывание яффским приютом поручено одному итальянскому семейству, которое, по отзывам поклонников, очень усердно исполняет эту обязанность и весьма внимательно к стран-ным.

Время это по кратком отдыхе и подкреплении себя пищею надобно употребить на явку в русское консульство, осмотр города и приготовление к отъезду. У вице-консула простые богомольцы приглашаются оставить для безопасности все лишние за отделением на необходимый расход в Иерусалиме деньги, которые записываются в особую книгу и каждому выдается расписка в полученной от него сумме. Мера необходимая как из предосторожности к могущим случиться при тесноте иерусалимского помещения пропажам и потерям, а главнее всего – для обеспечения средств к возвращению на родину. Мы при этом рекомендуем особенно богомолкам не скрывать настоящего числа денег, чтобы не пенять после на самих себя в случае пропажи, что хотя и не так часто, а все же случается; а сколько нравственного беспокойства испытывают они в дальних поездках, мучась мыслию, как бы какой-нибудь оборванец араб или бедуин не ошупал зашитых в рваном капоте золотых или крестовиков! Уезжая же, например, на Иордан, оставить в сундуке тоже неудобно; могут быть новые и основательные опасения – по возвращении не найти положенного на своем месте. Когда же оставите лишние деньги на сохранение у консула, все эти страхи и беспокойства исчезают сами собою; двойная выгода – и мысли спокойны, и деньги целы.

При отдаче денег на сохранение спрашивается у поклонников, как они желают распорядиться остающимися деньгами в случае их смерти во Святом Граде. Большая часть из являет желание отдать оные на помино́вание души своей в храм Святого Гроба, Гефсиманию, Вифлеем, Назарет, Саввинскую обитель и другие святые места и иерусалимские монастыри; вла-

дельцы же значительных сумм изъявляют иногда желание отослать часть денег на родину – родным или на поминование в отечественные монастыри и церкви, что и исполняется свято.

Требование оставлять у консула по крайней мере такую сумму денег, которой бы обеспечивалась уплата за место на пароходе в обратный путь (четыре-пять золотых), некоторым из поклонников не нравится, но единственно по близорукости и недоверчивости, для которой нет никаких поводов. Таким можно посоветовать смотреть на пример разумнейших и поступать так, как они поступают, рассуждая, что тут ошибки быть не может. В отношении же разделения своих денег на две части советуем поклонникам держаться такого правила: оставлять в Яффе большую половину своих денег, следуя тому расчету, что в случае, если бы не достало для иерусалимских расходов, они всегда могут признаться у кого-либо из товарищей или в случае крайности у начальника миссии либо консула, с отметкою на данной им от яффского вице-консула расписке, чтобы занятая сумма была удержана при возврате оставленных в Яффе денег. Если же поступить иначе, оставив в Яффе меньшую часть, то уже нечем будет помочь себе в случае нужды, которую многие встречают, не заботясь соразмерять усердия со средствами, а после погубляют изду своего усердия ропотом и докучливым выпрашиванием у других. Если за сбором в дорогу и явкою в консульство останется у вас свободное время до отъезда, то я приглашу вас для осмотра Яффы: с базаром ее вы уже познакомились, покупая на нем себе съестные припасы; большая часть базарной улицы с застольными лавочками по сторонам, покрытыми от солнца пальмовыми рогожами, завалена фруктами – произведениями знаменитых яффских садов. С ними-то поспешим познакомиться прежде всего как с главною достопримечательностью Яффы.

Выйдя за ворота, ведущие на иерусалимскую дорогу, вы скоро очутитесь среди роскошных садов, которых, можно сказать, большей части из вас не случалось видеть и во сне. Живые плетни из колючих индейских фиг, или так называемых фиг Адама, ограждают этот восточный Эдем, а внутри без всякого видимого порядку насажен густой лес различных деревьев, из которых одни благоухают цветами, другие обременены зрелыми или созревающими плодами: апельсины, лимоны, гранаты, бананы, миндаль; пальмы встречаются реже других деревьев. Тут же множество благовонных кустарников, но особенно приятный вид делает виноградная леторосль, которая обвивается около померанцевых, миндальных и лавровых деревьев. Часто встречаются водоемы для искусственного орошения садов, совершаемого посредством водосливного колеса с бадьями, обрабатываемого верблюдом или лошадей; вода таким способом поднимается из нижнего водоема в верхний, а отсюда по желобам и канавкам разводится по всему саду.

Тут же гряды с дынями, арбузами и огурцами огромной величины. В садах местами виднеются башни, или киоски, в которых жители Яффы скрываются от жары и чумы. Земля легкая, состоит из весьма мелкого песку, который считается здесь удобнейшею почвою для овощей и плодовых деревьев, как наиболее способный для орошения.

Хотя эти сады, несмотря на их естественные дивы и красоту, не соответствуют вполне европейскому вкусу и понятиям о красоте, но взятые в целом составляют окрестность приятную, поражающую глаза паломника дальнего севера и служат в то же время неопровержимым свидетельством древнего плодоносия Обетованной Земли.

Нельзя себе, однако, представить, чтобы вся Палестина была прежде похожа на сад, подобный тем, какие теперь видим в Яффе. Бог сказал чрез Моисея народу израильскому при вступлении в Обетованную Землю: «Земля, которую ты идешь взять в наследие, не такова, как земля египетская, из которой вы вышли, где ты посеял семя свое, и напоил посредством машин, как овощный сад. Но земля, в которую вы переходите, чтобы наследовать ее, есть земля с горами и долинами, и от дождя небесного напояется водою, – земля, о которой Господь Бог твой печется; очи Господа Бога твоего непрестанно на ней от начала года и до конца года» (Втор 11, 10).

Итак, Господь обещал плодоносие, но способом весьма естественным, а неровность грунта должна была производить большую разницу в климате и растительности. Были несомненно тогда, как и теперь, места, горы и скалы, лежащие на солнце почти тропическом; были также долины и плоскости в положении весьма умеренном. Обильная роса оживляла атмосферу, распаленную дневным жаром. Святое Писание не раз упоминает о росе как о небесном благословении. Бури и грозы в Палестине чрезвычайно редки, а летом небо постоянно безоблачное. Дожди начинаются в конце сентября, и тогда сеют пшеницу и ячмень; вторые дожди в январе – тогда и снег не раз покрывает горы. Так было всегда, ибо Святое Писание говорит: «Посылает Бог снег, как волну, и мразы, как пепел, покрывающий землю; воды скрываются под каменною корою, а поверхность глубокой пропасти твердеет»... Третьи дожди идут в марте и апреле перед сбором озими; тогда в Палестине сеют сусанну (сусановое масло), табак, хлопчатую бумагу, бобы, арбузы, которые созревают в сентябре. Ветры периодические, особенно во время весеннего равноденствия.

В истории торговли евреев с финикиянами читаем, что главные предметы этой торговли были пшеница и маслины, и это с самых древнейших времен, ибо еще Соломон в обмен за кедры и кипарис давал эти же самые продукты. Равным образом и теперь пшеница – главный зерновой хлеб в Палестине: обычай употребления в пищу незрелых пшеничных колосьев, поджаренных в огне, сохраняется и доселе. Ячмень там хлеб озимый: его собирают в марте и кормят им лошадей, ибо овес весьма редок. Библия не упоминает о рисе, который кое-где сеют ныне, но упоминает о чечевице, которая как во времена Исава, так и теперь считается лакомым блюдом. Вращивается в Палестине также салат разного рода, лук и чеснок, до которых туземцы большие охотники. Исаия говорит о гвоздике и тмине; Господь наш Иисус Христос – об анисе и мяте; в Евангелии читаем о горчичном зерне, этом смиренном зародыше великого дела, – все это находится и поныне. Видим также много растений, вырастающих здесь без всякого ухода, как-то: бальзамический иссоп, которого употребление при очищении жертв восходит до Моисея, растет между развалинами и на старых стенах; копр, индиго также можно встретить на берегах Иордана, кофейное деревцо по горам близ Тивериадского моря, а сезам – почти везде. В пустыне обыкновенное растение – можжевельник кольчатый; он горит с таким сильным треском, что псалмопевец сравнивает с ним язык клеветника (Пс 119, 4). Сахарный тростник, папирус также встречаются по местам. Из тростника иорданского прежде делались стрелы, а теперь циновки (маты); растут также и ядовитые растения, как-то цикута, зезания, так называемое «содомское яблоко», которого сок едок, вредная полынь и т. п. Есть травы съедобные, которые известны особенно инокам Саввинской обители; такова, например, мелагрия, корнями которой питались древние пустынножители Плачевной юдоли; некоторый сорт этих трав саввинские иноки запасают и ныне на зиму: мочат их в уксусе и употребляют в пищу, как салат. Им известны также лекарственные и полезные в других отношениях травы, каковы, например, мыльная трава для вывода пятен, трава, которую употребляют для мытья головы и т. п. Растения, о которых Священное Писание упоминает как о благовонных, можно видеть в садах; кофер, или египетское heppe, употребляется как в Египте, так и здесь арабскими женщинами для крашения ногтей; есть мандрагоры, лилии, нарциссы, гвоздика, гиацинты; но уже нет нигде бальзамического дерева, с которого собирали смолу, так много ценимую; с XII века дерево это исчезло; но зато есть одно дерево, из плодов которого арабы выжимают благовонное масло, которым натирают четки и другие освященные предметы, составляющие главную торговлю Святого Града. Кроме выше упомянутых родов хлеба и растений возделывают еще в Палестине лен, коноплю и хлопчатую бумагу. Лен известен был в этой стране еще до евреев, как видно из того, что Раав укрыла соглядатаев Иисуса Навина в снопах льна на кровле своего дома; позднее одежда еврейских священников была по закону льняная. Коноплю, которая происходит из Персии, не возделывали израильтяне, а хлопчатую бумагу ввели первоначально последние иудейские цари. Наконец, Святое Писание часто упоминает о виноградарях и о

величине гроздей. И теперь еще есть в известных местах виноградники довольно значительные, лозы большие и сильные, но вино, за исключением небольшого количества приготавливаемого в Иерусалимской Патриархии и в Саввинской обители, не соответствует прежней своей славе: оно терпко и походит по вкусу на вина из окрестностей Марселя.

Этот беглый взгляд на произведения древней и нынешней Палестины показывает, что за исключением некоторых местностей, опустошенных столь необычайным способом, что нельзя не видеть в том ясно перста Божья, – нынешнее убожество Палестины главным образом надобно приписать обезлюдению ее, ибо земля там, где ее возделывают, производит те же самые хлеба. Все эти богатства находятся, можно так сказать, все вместе в садах, окружающих Яффу, где жито и овощи, деревья, кустарники, цветы и виноградные лозы – все перемешано в величайшем беспорядке и растет в величайшем изобилии и силе. Если бы в этих садах не было дач и жителей, они представляли бы совершенный образ противоположностей, какой трудно себе представить, то есть плодоносной пустыни.

Дачи эти в восточном вкусе, с плоскими кровлями, вовсе не изящны. Нигде не видно ни малейшего блеска. Все в них устроено так, как бы владельцы их жили только изо дня в день. Когда мы вышли на берег в Яффе в первых числах февраля 1858 года, мы посетили одного из богатейших православных жителей Яффы; он принял нас в покоях, где скромность боролась о первенстве с беспорядком и неустройством. Зато сад был очарователен: апельсины, лимоны обыкновенные и лимоны сладкие отягощали деревья, поражая своею величиною и зрелостью. Миндальные деревья были в цвету, наполняя благоуханием воздух. Хозяин приказал разостлать под тенью деревьев пальмовые рогожки, на которых мы отдыхали; он сел с нами и, очищая ножом сахарный тростник, резал его на кусочки, предлагая их нам в знак своей любезности. Разговор шел о садах; из него мы узнали, что апельсины в это время продаются на месте на наши деньги по пяти рублей ассигнациями за тысячу; на каждые пять тысяч покупателей получает пятьсот штук добавки бесплатно, а исправному содержателю сады дают по несколько десятков тысяч пиастров дохода в год.

Если вы не будете иметь возможности осмотреть яффские сады на пути в Иерусалим, то, конечно, не упустите случая сделать это при возвращении из оногo.

Накануне отъезда предлежит вам еще забота, кроме явки в консульство для прописки паспорта и сдачи денег, – отправление ваших тяжелых вещей, у кого они есть. Наймом верблюдов, взвешиванием вещей и расчетом с извозчиками (платится с батмана, равного десяти русским фунтам) заведует письмоводитель консула из местных арабов; он же и консульский кавас (род полицейского служителя) сопровождают поклоннический караван до Рамли или до Иерусалима. Кавас яффского вице-консула вполне стоит того, чтобы посвятить ему несколько строк в нашем путеводителе, потому что сам он есть один из надежнейших, опытнейших и честнейших людей этого рода, без которых нельзя сделать в этом краю шага. Он турецкий подданный, зовут его Абдул-Ахаб; серебряная медаль на аннинской ленте за усердную двадцатипятилетнюю беспорочную службу при консульстве недаром украшает его грудь. Все поклонники, побывавшие в Иерусалиме, не только знают Абдула, которого они величают Абдулом Ивановичем, но и уважают его, ибо всякий, вероятно, не раз испытал на себе цену его услуг. Все уверены, что он потаенный христианин, – так по крайней мере заставляют предполагать его душевные свойства: необыкновенная честность, всегда и для всех равное усердие, редкая доброта, выражающаяся в чертах лица и беседе и, главное, в действиях. Он говорит по-русски ясно, хотя и несколько ломаным языком; рассказывая мне о проводках поклоннических караванов, Абдул-Ахаб выражался так: «Вот идет караван, – большие господа уехали вперед, – Абдул-Ахаб, говорят, подгоняй их, что они так плетутся нога за ногу; а я говорю им: вы поезжайте с Богом, если хотите, а я должен смотреть, чтобы никто не отстал; там старушка бредет больная, – Абдул Иваныч, говорит, я устала. – А я говорю: „садись, старушка, отдохни, я подожду тебя, чтобы никто тебя не обидел”». – Такое преимущественное внимание к низшим

и бедным не есть ли свойство души доброй и верующей, и если Абдул-Ахаб и не христианин втайне, то нет сомнения, что он принадлежит к числу тех людей, о которых сказано в Священном Писании, что «во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему есть» (Деян 10, 35).

Из Яффы каждый поклонник, смотря по карману и клади своей, отправляется верхом, или на лошади, или на муле, или на магарчике (осле), а иные для понесения больших трудов идут за караваном и пешком во Святой Град. За выючного верблюда платят на наши деньги от 10–20 рублей ассигнациями, за лошадь – от 5 до 15, за осла – от 4 до 10 рублей ассигнациями. Цена эта возвышается и понижается смотря по числу поклонников; тяжелые вещи отправляются накануне, а поклоннический караван обычно утром, с таким расчетом, чтобы прибыть пораньше в Рамлю, отстоящую от Яффы только на три часа пути (пятнадцать верст), и, подкрепясь пищею и сном, с свежими силами подняться до зари для совершения девятичасового, во всех отношениях более трудного перехода, и поспеть в Иерусалим до захождения солнца, то есть до затворения городских ворот.

Наем лошадей, мулов и ослов для одиноких всадников, устройство кресел и корзин для женщин, приведение в надлежащее равновесие этих не совсем удобных седалищ, занимает немало времени и представляет немало затруднений при взаимном непонимании друг друга погонщиков (мукеров) и поклонников; в случае особых затруднений можно обратиться к посредству консульского письмоводителя или каваса, и хотя большая часть мукеров понимает несколько односложных русских слов, относящихся к их ремеслу: «стой, поддержи, пошел» и т. п., но как их обыкновенно забрасывают в это время фразами, то они и становятся нередко в тупик, не понимая, чего хотят от них. Если же не случится вблизи никого из знающих русский язык, несколько паричек или пиастров побудят погонщика или других обыкновенно толпящихся около каравана в качестве праздных зрителей скорее слов и криков помочь вашему затруднению; а меж тем предлагаю здесь несколько арабских слов, которые помогали мне в краткой беседе с мукерами: «элла – пошел; эсбур – стой; эсмек – поддержи; атини – подай; та альгун – поди сюда; аум, ауам-скорей; шуае, шуае – тише; шугада? – что это?; мен гада? – кто это?; худ гада – возьми это; эрбут – привяжи; сук, сук – погоняй; сабакум бер хер – добрый день; масикум бер хер – добрый вечер; бакшиш – подарок; мафиш – нет; мой – вода».

Но вот караван вытянулся по набережной, раздалось протяжное «элла, элла» (пошел), и вы тронулись в путь; имейте предосторожность не останавливаться почему-либо в городе, чтобы, отделясь от каравана, не сделать тем неприятность себе и другим, хотя за этим и поручено наблюдать провожающему вас кавасу. Еще раз проедете вы под навесом крытого базара, кипящего народом, мимо мечети, нескольких фонтанов и, наконец оставив за собою главные ворота, украшенные надписями из Корана, будете проезжать мимо деревянных балаганов, или лавочек, буквально заваленных произведениями яффских садов разного сорта: груды апельсинов, лимонов, арбузов, огурцов и других плодов и овощей, смотря по времени года, лежат там и сям, ожидая покупателей; мальчишки набиваются вам с сахарным тростником, который разрезают на части, очищают кожу и высасывают сладкий и прохладный сок... Но, повторяю, всем этим на дорогу, кто желает, надобно запастись заранее, дабы не иметь надобности в остановке и тем не задерживать следования каравана и не навлечь на себя какой-либо неприятности по незнанию языка.

Дорога на час пути пойдет между садами, и те из поклонников, которые, бывши в Яффе, не имели случая посетить их, будут иметь случай вдоволь налюбоваться этим земным раем. Взор не может оторваться от обилия, разнообразия и величины плодов; благоухание наполняет воздух; высокие водоподъемные машины, приводимые в движение верблюдами и мулами, и обок их обширные водоемы, из которых вода расходится по желобам в разных направлениях, в глубине садов киоски и башни, напоминающие евангельское выражение: «насади вертоград, ископа точило и созда себе столп», – все это в частях и целом не может не действовать на самое

спокойное воображение северного жителя, невольно переносит его в страну чудес и нимало не prepares его к тому запустению, которое он увидит вскоре в окрестностях Святого Града и которое посему еще болезненнее подействует на сердце своею противоположностью с этим Эдемом. А смотря на этот клочок благословенной земли на возвратном пути из Иерусалима, невольно приходишь к мысли, что Провидение нарочно оставило его во всем своем величии, для того чтобы дать понять человеку, чем был тот земной рай, в котором Бог поселил первого человека и откуда изгнал он сам себя преслушанием заповеди Божьей.

Дорога от Яффы до Рамли

Саронская равнина. – Отдых под масличными деревьями. Сходство окрестностей Рамли с русской природою. – Приют в Рамле для русских поклонников. – Население Рамли. – Исторические воспоминания. – Греческий монастырь. – Развалины Лидды. – Развалины монастыря сорока Севастийских мучеников.

По выезде из яффских садов видно вправо от дороги полуразрушенное селение Ядур или Язур, где полагают родину доблестных Маккавеев; к селению принадлежит красивая мечеть с источником, известным под названием Гедера. Спустясь с песчаных холмов, с вершины которых виден хорошо оставшийся позади город и омывающее его море, вы вступаете на обширную равнину, известную в Св. Писании под именем долины Саронской, где некогда были и леса. Эта необозримая равнина служила пастбищем для стад израильских. Об этом упоминается в Библии: над скоты Царя Давида, иже пасяхуся в Сароне, бысть Сатрай Саронитянин (1 Пар 27, 29). Ныне на первый взгляд она кажется вовсе бесплодною, ибо покрыта песком бело-красноватого цвета. Но судя по тому, что это та же самая почва, на которой разведены яффские сады, очевидно, что из этого можно было бы извлечь огромную пользу, если бы не мусульманская лень с одной стороны и деспотизм с другой, подавляющий всякую свободную деятельность в несчастном краю. Доказательством плодородия почвы служат масличные деревья и сикоморы, там и сям разбросанные; также множество цветов, как-то: лилии или «кринысельные» розы, нарциссы и анемоны, которые растут сами собою на этом песке, оправдывая древнюю славу цветов Сарона, о которых вспоминают Песнь Песней (Песн 2, 1) и пророк Исаия (Ис 35, 2).

Почти на половине пути от Яффы к Рамле видно в левой стороне на холме селение Сарфан. Не доезжая его, по обеим сторонам дороги, растут огромные маслины, которые можно считать за остатки масличных лесов, упоминаемых в Св. Писании, и из которых крестоносцы делали свои осадные машины для овладения Иерусалимом. Здесь обычно останавливается караван на отдых, тем более удобный, что вблизи есть цистерна, в которой можно напоить лошадей и мулов, а самим отдохнуть под сенью развесистых олив, много напоминающих с первого взгляда наши ракиты, и также живучих, как они.

Не раз случалось мне подъезжать к Рамле или на пути от Иерусалима к Яффе, или обратно, и большею частью в сумерки, и всякий раз дорога к ней от Иерусалима, по выезде из ущелья Иудейских гор, а от Яффы – по Саронской долине, чрезвычайно напоминала мне родной край, и все окружающие предметы способствовали как нельзя более обману зрения; дорога здесь ровная и широкая, словно как у нас, идущая – весною по цветистому лугу, а осенью – через запущенный пар или убранное поле, иногда и пыльная, как наша; купы деревьев, видневшихся по сторонам, походили точь-в-точь на наши сельские рощицы; иногда виднелись небольшие холмы наподобие наших курганов; местами среди равнины блистали приветливо огоньки в окнах отдаленных по сторонам селений, а посмотришь бывало издали на готические стены и башни минаретов Рамли, прячущиеся в зелени и покрытые вечернею тенью, – казалось, что вот-вот приближаешься к одному из наших уездных городков с домами и домиками, разбросанными среди садов, и высящимися над ними колокольнями и главами нескольких Божьих храмов. Сходство поразительное, тем более, что при вечернем сумраке не бывает видно ничего восточного: ни пустыни, ни отсутствия земледельцев, ни других особенных черт; которые обозначают землю, произведения и здания сирийские. Подъезжая ближе, видите влево обширный водоем, точь-в-точь наши запущенные пруды; несколько человек берут воду или поят скот. Разочарование последует лишь тогда, как перед вами ясно обрисуются на горизонте зонтооб-

разные вершины палм и шпили минаретов с знамением Корана (полумесяцем) наверху, плоские крыши и другие особенности местной постройки.

В Рамле русские поклонники до 1859 года находили приют в подворье греческого странноприимного монастыря; но с этого года нанят здесь попечением правительства особый дом и устроен приют для поклонников, где караваны, следующие в Иерусалим, обычно останавливаются для ночлега, обеда или ужина. Здесь устроены все, по возможности, приспособления, нужные для кратковременного отдыха и для представления посетителям скромной трапезы. Заведывание домом поручено одному арабскому семейству, которое, так же как и в Яффе, состоит из людей чрезвычайно усердных и внимательных к странникам.

Когда смотритель Рамльского приюта бывает предуведомлен о вступлении в Рамлю каравана поклонников из Яффы или из Иерусалима, то немедленно делается распоряжение о приготовлении обеда или ужина для усталого путника. Приют и угощение в Рамле, как и в других русских приютах, даются бесплатно; затем всякому предоставляется внести сколько угодно на поддержание приюта. По размещении на ночлег, пока смотритель хлопочет об ужине, мы воспользуемся этим временем, чтобы побеседовать о Рамле и осмотреть ее достопримечательности.

Местечко это вполне арабское, довольно обширное, хотя имеет только 3000 жителей. Большая часть мусульман, остальная часть состоит из нескольких греков, армян, латин, наконец евреев. По преданию, подкрепленному свидетельством блаженного Иеронима, это должна быть древняя Аримафея, некогда главный город филистимлян. Он пишет, что близ Лидды (отстоящей на час езды к северу от Рамли) находится селение Аримафея, откуда родом был, по евангельскому сказанию, благообразный (т. е. знаменитый) муж, о котором сказано в Евангелии от Матфея: «Когда же было поздно, пришел один богатый человек из Аримафеи именем Иосиф, который также учился у Иисуса. Он, пришедши к Пилату, просил тела Иисусова; тогда Пилат приказал отдать тело. Иосиф, взяв тело, обвил его чистою плащаницею, и положил в новом своем гробе, который высек он в камне, и, привалив большой камень к двери гроба, удалился» (Мф 27, 57–61).

Арабы называют этот городок Рамлех, что собственно значит песок, – вероятно, от песчаной долины, на которой он построен.

Греческий писатель XII века Фока, посещавший Рамлю в 1185 году, говорит, что в его время наибольший храм здесь был во имя великомученика Георгия, где, по словам его, находится и гроб этого святого, украшенный мрамором.

Анна Комнина и некоторые другие историки также утверждают, что мощи великомученика были погребены не в Лидде, а в Рамле. Причем Фока приводит сказание, что, когда один латинский епископ (Фока жил во время обладания Палестиною крестоносцев) хотел открыть гроб, дабы убедиться, что точно здесь, а не в Лидде почивают мощи великомученика, – по отнятии мрамора открылась обширная пещера и несколько смельчаков из свиты епископа, хотевших спуститься в подземелье, были опалены подземным огнем, а двое из них заплатили и самую жизнь за свое неуместное любопытство. Наш паломник игумен Даниил, посещавший Святые места в начале того же столетия, рассказывает о Рамле следующее: «ту есть град Рамль и церковь Св. Георгие велика создана клетцки (клетью); ту и гроб его бысть; под алтарем, ту мученик Христов Георгий и воды многи суть. И ту опочивают все пришельцы странники у воды тоя, со страхом великим, есть бо место то пусто и доныне»⁴.

Надо полагать, что место согласно описываемой Даниилом и Фокою церкви занимает ныне главная мечеть, величественное здание, отличающееся чрезвычайно смелою башнею (минаретом), которая, вероятно, была прежде колокольнею христианского храма; это тем более вероятно, что тотчас возле этой мечети возвышаются развалины древнего монастыря. Слова

⁴ Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 27.

же игумена Даниила: «ту воды многи суть», по всей вероятности, относятся к подземному водохранилищу, покрытому сводами о 24 арках. Сооружение этого обширного и довольно красивого водохранилища предание приписывает святой царице Елене; а за городом на иерусалимской дороге есть и доселе обширный открытый водоем вроде пруда, который, может быть, имел подземное сообщение с упомянутым выше подземельем. Все это показывает, что действительно древняя Рамля была обильно снабжена водою искусственным образом.

Кроме упомянутой мечети есть еще две другие, меньшие, и три странноприимных монастыря: греческий, армянский и латинский, служащие для приюта поклонников этих вероисповеданий. Около города тянутся обширные развалины, как бы предместья, и отсюда можно заключить, что прежде Рамля была несравненно больше. Впрочем, во времена библейские и потом римские и греческие Рамля не имела особенного значения, а под владением сарацинов упала еще более. Только во время крестовых походов она процвела и усилилась при наплыве поклонников, которые тогда постоянно проходили чрез нее в Иерусалим. Позже Саладин разорил ее, а Ричард Львиное Сердце вновь построил. Наконец турецкий султан Сулейман значительно обновил и укрепил упавший город; но теперь окружающие его стены снова обратились в развалины и только несколько полуразрушенных башен припоминают прежнюю славу и рыцарского креста, который, блеснув минутно, не успел утвердиться здесь, так же как и в сердце самих более славлюбивых, чем христоролюбивых рыцарей.

Чрез Рамлю, служащую перепутьем для поклонников, которые ежегодно спешат из Яффы в Иерусалим к празднику Пасхи, проходит также большой караванный путь в Газу; поэтому в Рамле торговля довольно оживлена; здесь проживают даже несколько европейских купцов и находится несколько мыловаренных и маслобойных заводов.

Греческий монастырь, сооруженный в 1837 году, невелик и тесен, особенно при одновременном скоплении в нем большого числа поклонников. Древняя церковь во имя святого великомученика Георгия, построенная по преданию на том месте, где отсечена глава святого Георгия, помещается отдельно позади монастырского подворья. Она низка и мрачна; она была сожжена арабами при нашествии Наполеона в 1798 году и возобновлена вновь в 1808 году. Здесь показывают обломок мраморной колонны, озаглавленный чудом, о котором упоминается в житии святого великомученика (см. в Четь-Минеи под 20-м числом апреля месяца).

Из Рамли видны развалины Лидды, которая отстоит на один час пути от нее к северу. Она напоминает чудо святого апостола Петра, который воскресил здесь Енея, умершего от заразы. В Ветхом Завете место это называлось Лидою; а когда по совершенном разорении ее римским вождем Сестием была снова воздвигнута, тогда получила название Диосполиса. Но наиболее славится Лидда, как в древности, так и теперь, именем святого великомученика Георгия Победоносца, который по преданию был отсюда родом и здесь же претерпел мучение за Христа в царство Диоклетианово. Здесь находятся и донныне развалины великолепного храма, построенного Юстинианом в честь великомученика и обращенного впоследствии в мечеть. Лидда считается главным городом православного епископа того же имени. Титул этот в бытность мою в Иерусалиме принадлежал второму наместнику Иерусалимского Патриарха архиепископу Герасиму, скончавшемуся в 1860 году; это был муж, замечательный благодушным несением креста тяжелой болезни, которая по несколько раз в году повергала его на смертное ложе.

Латинский монастырь города Рамли, по преданию, построен на том месте, где был дом Никодима, одного из князей жидовских; одного из потаенных «страха ради иудейска» учеников Иисусовых, приходившего к Нему для ночной беседы.

Недалеко за городом видны развалины древнего монастыря, который предание называет монастырем 40 мучеников, говоря, что сюда были перенесены из Гевастии армянской священные останки этих доблестных воинов Святого Креста. Напомним, что они приняли мученическую смерть за Христа в озере Севастийском, куда были ввержены по повелению мучителя зимою, в то время как на берегу озера стояла жарко натопленная баня, готовая принять того,

кто бы решился предпочесть временную жизнь вечной. Один не устоял в подвиге и, выйдя из озера, бросился к бане, но один из приставников, которому были открыты в видении венцы небесные, готовые увенчать претерпевших до конца, видя постыдное бегство одного из 40 мужей, внезапно уверовал во Христа и за исповедание Его имени был брошен в волны холодного озера, – и таким образом восполнил собою сорокачисленный лик мучеников (см. житие их в Четь-Минеи под 9-м числом в марте месяце). Развалины монастыря весьма живописно заросли напалами и дикими фидами. Монастырь построен квадратом с двором внутри, а стены его еще довольно целы. Изнутри по лестнице можно спуститься в две подземные церкви, своды которых тоже еще целы.

Дорога от Рамли до Иерусалима

Латрун. – Ущелье Бабуль-уад. – Колодезь Иова. – Селение Кариафель-Енаб или Абугош. – Замок Маккавеев, горный град Иудов, Модин, долина Теревинфов. – Колония. – Гора Самуила (Рама). – Селение Лефта. – Поклонная гора.

Поклоннический караван, переночевав в Рамле, оставляет ее до зари, с тем, чтобы поспеть в Иерусалим до захождения солнца.

Тотчас по выезде из Рамли видите на правой стороне от дороги, между другими развалинами, большой открытый водоем, подернутый плесенью и сетью трав, наподобие наших прудов, – тот самый, о котором мы выше говорили. Дорога до Иудейских гор идет по той же равнине, на которой стоит Рамля. На всем довольно обширном пространстве (верст с 15) между Рамлею и этими горами видна только одна деревенька, на половине дороги влево, что немало удивительно, ибо почва земли заметно плодоносная и могла бы вознаградить сугубо за небольшие усилия. Не задолго до въезда в горное ущелье, уже в виду его встречаются направо от дороги древние развалины, называемые Латрун, вероятно от латинского слова *latro* – разбойник; здесь была деревня Латрун, по преданию родина «благоразумного разбойника» – Дисмаса ему. Повествуют, что во время бегства Пресвятой Богородицы из Палестины в Египет с Младенцем Иисусом и своим обручником святым Иосифом, в одном пустом месте напали на них разбойники и хотели отнять осла, на котором они везли свои малые пожитки, а иногда садилась и сама Матерь с Младенцем; один же из разбойников, видя необычайную красоту Младенца, удивился и сказал: «если бы Бог принял на Себя человеческий образ, он бы не мог быть красивее сего младенца». Сказавши это, он не допустил своих товарищей обидеть чем-либо путников. Тогда Пречистая Богородица сказала разбойнику: «знай, что этот Младенец воздаст тебе воздаянием благодетельным, за то что ты теперь сохранил Его». Спустя много лет разбойник этот был пойман вместе с другим товарищем и осужден на крестную смерть. Посреди их был повешен вмененный со незаконными и Господь наш Иисус Христос. Благоразумный разбойник, вися на кресте одесную Спасителя, тронутый терпением невинного страдальца, не последовал примеру своего товарища хулившего распятого Господа, но раскаявшись исповедал, говоря: «или ты не боишься Бога? мы достойное по грехам своим восприемлем, сей же не единого зла сотвори». И потом, осиянный лучом веры, воздохнув из глубины души, воскликнул: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!» и получил в ответ: «днесь со Мною будеши в раи». Так исполнилось пророчество Божьей Матери, что сей Младенец воздаст тебе некогда (см. в Четь-Минеи Сказание о бегстве Пресвятой Богородицы в Египет под 26-м числом декабря). Ублажая неизреченное милосердие нашего Искупителя, явленное в этом приснопамятном событии, Церковь воспекает: «разбойника благоразумного в едином часе раеви сподобил еси».

В Латруне прежде было два укрепленных замка, остатки которых видны и поныне на возвышении. Во время крестовых походов были тут военные сторожи для оберегания дороги из Яффы в Иерусалим. Саладин разорил их вместе с селением, а развалины, которые доселе грозно выглядывают, служили с тех пор убежищем разбойникам или лучше сказать ворами, оправдывая название селения. Ибрагим паша строгими мерами обуздал своеволие арабов и бедуинов и обеспечил надолго безопасность путешественников. Теперь хотя и не слышно о разбойниках, но без хорошего конвоя и ночью нельзя никому советовать миновать эти места, представляющие много удобства для грабежа. Газские бедуины вместе с шакалами, и такие же вольные как они, рыщут ночью, порою и в сумерках по обширной Саровской равнине, ища

легкой добычи и безнаказанного грабежа, боясь лишь хорошего огнестрельного оружия и консульских кавасов.

Вскоре за Латруном начинается дикое и тесное ущелье, называемое Бабуль-уад: оно тянется между скалами, покрытыми чахлым кустарником и вереском, то ложем высохшего патока, то снова вдоль узкого и неровного прохода. Окрестность дика и уединенна; по сторонам от времени до времени встречаются развалины сторожевых замков; дорога (единственный знак, что тут были люди) есть не что иное как узкая стежка, обыкновенно висящая над пропастью и трудная для проезда, потому что как бы сложена из камней, которые постоянно скользят из-под ног, впрочем, уже привычных к этому неудобству животных⁵.

Вся окружающая природа невольно располагает к печали и задумчивости. Однако от времени до времени путь оживляется долинами, в коих растут деревья и видны древние, сложенные из камней систерны; встречаются также местами пасущиеся по горам стада маазет, — длинноухих коз, пастухи которых своею одеждою напоминают нашему воображению знакомых с детства вифлеемских пастырей; а если едете, как я, в феврале, то местами в долинах увидите и труды земледельца, плуг, запряженный волами и мало разнящийся от первобытного. Таким образом первые грустные впечатления страны прерываются от времени до времени библейскими образами.

Рамле

При одной из упомянутых выше каменных систерн, большей чем другие, среди гор в тесной низменной ложине, под тенью развесистых сикоморов и теревинфов, обыкновенно останавливаются поклоннические караваны, говоря по-русски, полдничать. Место это называется арабами Бер-Ейюб — кладезь Иова. Св. Писание упоминает о нем двукратно под названием кладезя Нефтоах (Нав 15, 9; 18, 15) или открытого. Он в самом деле открыт, но глубиною в несколько сажень, а вода, несмотря на глубину, мутна и не вкусна для питья. Кладезь Иова

⁵ Непривычным ездокам можно посоветовать одно: вполне довериться опытности лошадей, мулов и магарчаков, заботясь не столько о том, чтобы управлять ими, сколько о том, чтобы самим крепче держаться на них. Мы еще будем иметь случай подробнее упомянуть о неоцененных свойствах здешних подъемных животных, говоря вообще о странствиях по Палестине.

находится почти на древней границе колен Иуды и Вениамина; границу эту означает старый и огромный теревинф, огражденный вокруг камнями; дерево это находится в большом уважении у жителей Иудейских гор, без различия их вероисповедания. Итак, место это лежит почти в самой середине Иудеи, между морем Мертвым и Великим или Средиземным. С вершины гор, на которые надобно взбираться, взор обнимал разом всю эту землю, предназначенную от Бога для избранного народа и осененную столькими благословениями и обетованиями, это наследие Ефрема, Иуды и Вениамина, о которых известно, что сравнительно с другими своими братьями они заняли край счастливый и плодоносный. А между тем так далеко, как досягают взоры, ныне виднеются лишь камни, терния и волчцы, два или три плохие поселка в уединенном пространстве; тени нескольких бледных олив обрисовывались на горизонте того Гаваона, на котором некогда солнце остановилось в течении своем, по слову Иисуса Навина!.. И сбылись предречения боговдохновенного Исаии: «еще 65 лет, и оскудеет царство Ефремово от людей (7, 8)... Горе венцу гордыни, наемницы Ефремовы, цвет отпадный от славы на версе горы тучные (28, 1). Господь рассыплет землю и опустошит ю, и откроет лице ея, и расточит живущия на ней» (24, 1).

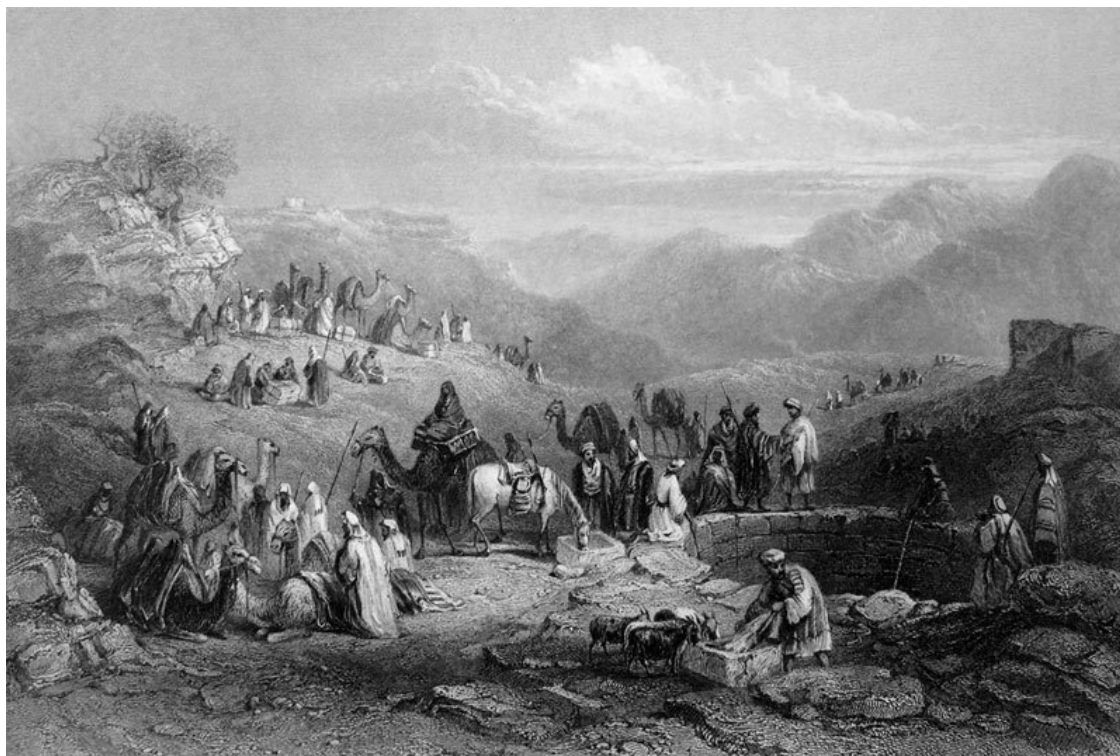
Через три часа езды от места отдыха при кладезе Иова достигнул наш караван селения, разбросанного по скату горы; оно называется по-арабски Кариаф-ель-Енаб, или место винограда, вероятно от виноградников, которых довольно видно в селении и его окрестностях; при спуске с горы в долину, на правой стороне расположена древняя церковь, хорошо сохранившаяся и довольно обширная; внутри разделена пилястрами на три части, соединенные арками, что обличает ее византийскую архитектуру. Средняя часть несколько возвышена над боковыми. На горнем месте сохранились следы древних фресок, по которым можно угадать, что здесь был образ Богоматери. Греческое предание считает это селение евангельским Еммаусом, а церковь, воздвигнутую на месте той гостиницы, в которой, согласно евангельскому сказанию, Господь наш Иисус Христос, явившись по воскресении двум ученикам своим Луке и Клеопе, шедшим из Иерусалима в Еммаус, беседовал с ними на пути о приключившихся во Иерусалиме, доказывая им из Писания и пророков, что надлежало всему этому исполниться; когда же пришли в Еммаус, Он «творился далечайше идти», но принял их приглашение переночевать в гостинице, и здесь «познася има в преломлении хлеба» (Лк 24, 13)⁶, Селение это называется

⁶ Впрочем, место евангельского Еммауса остается спорным: западные писатели отодвигают его ближе к Иерусалиму (в Колонии – см. далее). Тогда как наши древние паломники, начиная с Даниила, указывают Еммаус в четырех верстах от *Рамы*, к западу от нее и в стольких же верстах от Лидды, прибавляя: «и есть за горою село то, тамо идучи к Яффе от Иерусалима; и ту есть село было велико, на месте том была церковь создана, ныне разорено есть все, и село то пусто есть Еммаус, и есть в стороне пути, за горою было сею то, тамо идучи на правой стороне». Конечно, по этим признакам трудно определить ныне, какое именно место разумеет в своем описании наш паломник, но замечательно, что другой древний паломник XVI века Трифон Коробейников (1583 года) также пишет: «от Рамы (Ремли) до села Еммауса отчества Матфея Евангелиста, пять верст». Пешеход Барский, паломник XVIII столетия, в 1726 году, вспоминая об Еммаусе, пишет, что «выехав с ночлега в Рамле до зари близ времени полуденного преидохом село малое, именуемое Еммаус, о нем же Евангелист у Луки в главе 24 стих 13 воспоминает. Весь Еммаус, – продолжает Барский, – отстоит от Иерусалима шестьдесят стадей; стоит же внизу в долине между горами высокими окрест обстоящими, иматъ же отчасти и дрeвеса садовые при себе от смоковниц и маслин, прочее ничтоже, опусте бо и мало домов иматъ, и христиане тамо не обитают, токмо неколико арапов» (см. Путешествие Барского. С. 183). Судя по этому описанию, место Еммауса, описываемое Барским, относится согласно с нынешним греческим преданием к упомянутому выше селению, называемому в просторечии Абугош. Согласно с Барским указывает место евангельского Еммауса паломник того же столетия иеромонах Мелетий (1794 года); «путь наш, говорит он, был мимо веси Еммаус воспоминаемой в Евангелии. Селение сие отстоит от Иерусалима на 60 стадий (около 11 верст). Населяется оно ныне небольшим числом арабов-магометан. Древле существовала здесь прекрасная церковь, из-под спуда коея происходил источник: ныне все запустением покрыто» (С. 309). Действительно, около этой церкви селения Кариаф-ель-Енаб с восточной стороны протекает обильный источник чистой воды, возле которой останавливаются путники утолять жажду. Сходно с этим пишут об местности Еммауса и два паломника-писателя, посетившие Иерусалим с начала текущего столетия, Вешняков и Кир Бронников, описания которых оканчивается цикл наших самобытных описателей Святых мест (разумею тех паломников писателей, которые описывали лишь то, что видели и слышали о Святых местах от местных христиан). Вешняков пишет об Еммаусе: «Продолжая путь свой непрерывно, поднимаясь шероховатыми и неровными ущельями на высокие горы и спускаясь в долины, приближались наконец к арабскому селению Еммаус, у коего с приезда видно какое-то обширное здание, до половины разрушенное... Сие селение окружается на довольноное расстояние пространства равного рода садами, в коих жители подрезывали тогда

в просторечии Абугош⁷ от своего нынешнего владельца Абугоша, в переводе отца Гошей, то есть родоначальника племени Гошей, некогда грозного разбойника, а теперь довольно мирного обитателя этого селения. Еще в 30-х годах нынешнего столетия Абугош называл себя князем Иудейских гор, накладывал кафар (дань) на путешественников, – и горные теснины, которые вы проехали, не раз были свидетелями стычек Абугоша с войсками турецкими. Ибрагиму паше удалось склонить его на свою сторону, и по его милости брат Абугоша даже некоторое время исполнял прибыльную должность иерусалимского мусселима (градоначальника). Когда же Сирия снова перешла во власть Турции, влияние Абугоша изменилось; чего не могла сделать сила, достигли хитростью: с помощью подкупа или измены Абугош был арестован турецким правительством и, просидев несколько времени в Константинополе в тюрьме, был однако выпущен оттуда за порукою Иерусалимского Патриарха. Уступая необходимости, он вошел в мирные сношения с турецким правительством, желая в то же время иметь в нем опору против искони враждебного ему племени арабов, живущих в окрестностях Хеврона, – племя это Ляхама. Иерусалимский паша, следуя обыкновенной политике слабых правителей: «разделяй и царствуй», извлекает свои выгоды из враждебных отношений этих двух племен, а Абугош, не теряя своего влияния между феллахами поселянами-арабами, отвечает правительству за безопасное путешествие в его владениях и проводит жизнь частного человека, предаваясь, как добрый мусульманин, благому кейфу. Проезжая мимо селения, окончность которого занимает его горный замок, похожий издали на рыцарский замок средних веков, нередко можно видеть «князя Иудейских гор», лежащего близ дороги, под сенью сикоморов на ковре и ласково зазывающего знатных путешественников к себе на чашку кофе. Он особенно расположен к русским, и фраза, что он известен в дальней Московии, заметно льстит его самолюбию. В приезд в Иерусалим Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича в 1859 году Абугош выехал на встречу Великого Князя с четырьмя сотнями всадников и так же точно провожал его при отъезде, за что и удостоился получить в подарок драгоценный перстень; это еще более усилило его расположение к русским путешественникам, и они спокойно могут проезжать мимо страшного некогда гнезда этого горного орла, пресыщенного завидною славою прежних подвигов.

(в феврале месяце) виноград, и оставляли от пней не более двух или трех отростков; засохшие же деревья срубали, и клали около дороги большие костры, для отвозу и продажи в Иерусалим, до коего по примеру сказывали наши товарищи верст пятнадцать» (стр. 71). А Бронников пишет: «продолжая путь далее к Иерусалиму, проехали мы местечко Еммаус, отстоящее в пятнадцати верстах от Иерусалима, до которого Христос по воскресении Своем сопутствовал Луке и Клеопе» (стр. 34). Из этого видно, что мнение наших прежних паломников писателей о местоположении евангельского Еммауса разделяется на две категории: паломники, бывшие до XVIII столетия, указывают его место недалеко от Лидды и древней Рамы (село в области Вифлеемской). Наш новейший паломник А. С. Норов замечает, что эта небольшая деревенька Амоас, стоящая, если ехать из Иерусалима, недалеко от спуска с Иудейских гор, в равнине Рамли, направо от дороги, почти против Латруна. Норов полагает, что древние наши паломники принимали именно эти красивые развалины за евангельский Еммаус, со слов своих проводников арабов-христиан, которые, впрочем, ошибалась не одним сходством имени, ибо, как замечает тот же писатель г. Норов, и блаженный Иероним и многие другие писатели смешивали этот Еммаус с евангельским местом того же имени, а это последнее место (т. е. Амоас) с Никополисом. Тут было во времена владычества христианского епископство; прекрасные развалины церкви сохранились доселе. Норов справедливо доказывает ошибочность этого мнения, обращая внимание на указанное в Евангелии расстояние Еммауса на 60 стадий от Иерусалима, тогда как Никополис находится в 176 стадиях или 22 римских милях (Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1838. Т. 1. С. 80; Т. 2. С. 102). Заметим однако, что в известном Синайском кодексе, изданном г. Тишендорфом, расстояние евангельского Еммауса означено не в 60, а в 160 стадий и притом не численными буквами, а словами: «сто шестьдесят стадий». Вот где, как кажется, таится ключ к разгадке мнения, общего всем древним паломникам; что Еммаус евангельский находится на месте Никополиса. Соглашаясь с мнением Норова, мы тем не менее присоединяемся, относительно определения местности евангельского Еммауса, к мнению второй группы наших паломников-писателей, как согласному и с греческим преданием, то есть, что на месте евангельского Еммауса находится нынешнее селение Карияф-ель-Енаб. При устах же стольких свидетелей, станет всяк глагол.

⁷ Некоторые полагают здесь место библейского Кариафарима и считают родиной Иуды Искаротского, ибо это прилагательное Искарот или правильнее Ишкарот, значит с еврейского: муж (иш) из Кариота.

Местность близ Эммауса пл дороге от Яффы в Иерусалим

На конце долины селения Абугош есть другой источник, откуда дорога идет по узкому ущелью: справа видна высокая и круглая гора, на верху которой приметны развалины стен, а в середине башня, – это библейский Виферон верхний; ныне это место называется Кафель, или определеннее замком Маккавеев, ибо здесь затворялись не раз Маккавеи и, собравшись с силами, нападали отсюда на врагов. Вдали вправо между верхами нескольких скал блеснул на мгновение горный град Иудов, родина святого Иоанна Предтечи Господня, а далее высится конусообразная Гора франков или Модин, где, как говорят, держались еще некоторое время крестоносцы по изгнании из Святого Града. Эта гора насыпная. Менее чем через час езды дорога из ущелья выходит на долину Теревинфов, в которой по преданию происходила битва Давида с Голиафом. Под древним римской постройки мостом едва струится ручеек, но действие его благотворно: по обеим сторонам его теснятся померанцевые, лимонные и другие плодовые деревья и разведены огороды, – зелень их радует взоры, утомленные видом суровой природы. В левой стороне деревенька, состоящая из нескольких домиков, обитаемых арабами-феллахами, – она называется Колония. У самого моста видны развалины какого-то древнего здания; судя по камням огромной величины с выемкой по краям – развалины эти относятся к еврейским временам⁸.

От Колонии опять идет подъем на горы и вокруг видны только обнаженные скалы; одна лишь Гора Самуила (Соба) увенчанная пышным садом составляет отрадное исключение из общего грустного вида окрестностей. Это древняя Рамафаим Софим или Рама, что значит «высота»: здесь родился и погребен пророк Самуил. При виде этой очаровательной горы невольно припоминается вся история евреев под правлением этого славного пророка. Самую вершину горы занимает небольшое селение состоящее из нескольких десятков домов, в сре-

⁸ Некоторые паломники-писатели полагают, что здесь было евангельское селение Еммаус, а развалины считают остатками монастыря, построенного в память явления Господа Своим ученикам; близость расстояния от Иерусалима в десяти с половиной верстах не позволяет утвердительно опровергать это мнение, но мы уже сказали, что охотнее соглашаемся с общим и древним местным преданием православного населения, которое полагает место евангельского Еммауса – в селении Абугош.

дине которого возвышается древняя мечеть по преданию на самом гробе Самуила, которого мусульмане почитают не менее евреев. Европейские путешественники, побуждаемые любопытством также нередко посещают эту гору на возвратном пути из Колонии, которая служит крайним пределом для провода и встреч знатных посетителей, родных и знакомых оставляющих Святой Град.

Наш древний паломник игумен Даниил также остановил внимание на горе Самуила, говоря; «и ту есть гора зело высока близ Иерусалима на десной руце тамо идучи от Яфамстеи и имя горе той Армафем; на той горе есть гроб святого пророка Самуила отца Елконя и матери египтянины, ту бо было село и дом его; есть место городом отделано; да то зовется городом Аримафем».

После крутого и трудного спуска в узкую долину видно влево на склоне горы селение Лефта, дома которого представляются как бы иссеченными из окружающих его изжелта-белых скал; глядя на это селение, недоумеваешь, как и зачем могли поселиться люди в такой дикой и не представляющей никаких жизненных удобств местности. Отсюда снова крутой подъем на гору, но уже последний. Вот виднеется небольшая мечеть на возвышении, которое называется Поклонною горою.

Но вот вы и на Поклонной горе: проводники ваши что-то говорят вам, указывая рукою в левую сторону. Не нужно понимать слов их, сердце ускоренным биением своим подскажет вам, что они говорят, на что указывают. Вот отлогая гора с группою зданий на вершине: это Елеон с своей священной вершиной, с которой вознесся во славе Христос Бог наш; от его подошвы протянулась линия зубчатых стен, и из-за них выглянули сероватые купола домов и верхи таких же башен; ближе к вам белеется еще светлая оградная стена; из-за нее уже встают громадные постройки; вокруг их куча материалов, – это Мейданская площадь, а здания, на ней возводимые, – «Русские странноприимные заведения», которые, при помощи Божьей, скоро будут готовы принять под свой кров русских поклонников Святого Гроба⁹.

На Поклонной горе¹⁰ с давних времен существует обыкновение слезать с коней и идти во Святой Град пешком. Здесь же, при виде Святого Града, различно выражаются общие и частные чувства. Азиатский караван то есть, караван восточных христиан, в составе коего всегда бывает довольно женщин, при въезде на эту гору испускает пронзительный крик: «Ель-Кодс, Ель-Кодс» (священный город); караван менее пылких пришельцев дальнего севера, то есть наши земляки, редко выражают свои чувства каким-либо общим проявлением восторга, изъясняя их каждый по своим понятиям и по мере сердечной веры. Одни проливают тихие, радостотворные слезы, другие с благоговением повергаются на святую землю и целуют ее; те молятся тихо, иные творят молитву вслух.

«Бывает же тогда, как поведает Нестор наших паломников игумен Даниил, радость велика всякому христианину, увидевшему град святой – Иерусалим; никтоже бо может не прослезиться, видевши землю желанную и Места святая, идеже Христос Бог наш походи, нашего ради спасения, и идут пеши с радостию великою ко Святому Граду Иерусалиму». И это, говоря словом летописца, верно «даже до сего дне».

⁹ Ныне постройки сии уже совершены и состоят под управлением иерусалимского консула, сумма же на содержание их почерпается из церковного кружечного сбора по всей России.

¹⁰ Здесь кстати будет вспомнить поучительный рассказ об одном грузинском отшельнике, св. Давиде Гареджийском, который, по многих иноческих трудах, предпринял путешествие во Св. град и, придя на Поклонную гору, по глубокому своему смирению, счел себя недостойным войти во Святый Град, а поклонившись ему с этого места до лица земли, взял на память в суму три камушка и отправился в обратный путь. Господь, призывающий на смиренные, открыл о поступке Давида одному из иерусалимских подвижников и тот послал вслед Давида одного из своих учеников с просьбою: оставить два камушка, говоря; «этак он унесет от нас всю благодать», давши тем знать смиренному страннику, сколь приятную жертву для Господа составляет смирение.

Взгляд на исторические судьбы Святого Града

*Прокляти вси ненавидящи тя, благословени будут вси любящи тебе во веки
(Тов 13, 12).*

*Помилует Господь еще Сиона и избрет еще Иерусалима
(Зах 1, 17).*

Латрун. – Ущелье Бабуль-уад. – Колодезь Иова. – Селение Кариафель-Енаб или Абугош. – Замок Маккавеев, горный град Иудов, Модин, долина Теревинфов. – Колония. – Гора Самуила (Рама). – Селение Лефта. – Поклонная гора.

Облако пыли скрыло из глаз моих передовых всадников, окруженных пышною свитою в разнообразных восточных костюмах. Вся эта эффектная обстановка делала вступление наше во Святой Град более похожим на въезд победителей в покоренный город, нежели смиренных поклонников Святым местам страданий нашего Исккупителя, и по тому самому неприятно действовала на мои чувства. Чтоб рассеять это невольное впечатление, я далеко отстал от шумной толпы и остался один с своими думами. Итак, думал я, вот он – древний Иерусалим, столица чудес, мать пророков, царица народов, колыбель веры, похвала христианского света, а теперь – Ель-Кодс; турецкая крепость, резиденция паши!

Да, это так, – ибо и предсказано было, что так будет, и мысль моя унеслась в мимошедшие веки, в темную ночь отдаленнейшей древности.

Там светит ей книга Бытия. При ее священном свете мысленно вижу первосвященника Мельхиседека, закладывающего на горах Мории и Акре первые основания Иерусалима. Как царь Салима или мира, он приветствует Авраама, выносит ему хлеб и вино, ибо был священник Бога вышнего (Быт 14, 18). Спустя полвека потомки Иевуса сына Ханаанова добывают Салим, ставят укрепленный замок на верху горы, находящейся против Геннома – на горе Сион (Нав 15, 8), дают ему название по имени их предка, а весь город называют Иерусалим или Откровение мира. Иисус Навин по прибытии в Святую Землю добывает нижнюю часть Иерусалима; но из Сиона вытесняет Иевусеев лишь Давид, спустя восемь веков после их вступления в столицу Мельхиседека (2 Цар 5, 7). Он увеличивает замок Сионский и называет его градом Давидовым; на горе Сион строит дворец и скинию для Кивота завета. Соломон воздвигает на горе Мориа храм Богу живому, – это действительное чудо света, по описанию Св. Писания и еврейского историка Иосифа. Хирам царь Тирский шлет кедровые деревья и золото, смотря по тому, в чем нуждается Иерусалим; царица Савская едет в Иерусалим с большою свитою и богатством, а верблюды несут на себе благовония, множество злата и драгоценных камней, – и дивятся Иерусалиму все цари аравийские и князи земли... Итак Иерусалим отчасти имел уже то, что предрекал ему в будущем один из ветхозаветных праведников, когда говорил: «Иерусалиме, граде Божий, исповедуйся Господу Богу во благих твоих, и благослови Бога веков, да созиждет в тебе паки жилище свое, и радуешься по вся веки веков. Светом пресветлым процветеши и вси концы земли поклонятся тебе. Языцы же издалеча к тебе приидут и дары носяще поклонятся в тебе Господу Богу и землю во святыню вменят. Имя бо велие воззовут в тебе. Врата Иерусалимская от сапфира и смарагда созидани будут и вся здания его окрест от камени пречестна. И улицы его от камени бела помостятся, и на стогнах его воспоют аллилуиа»¹¹.

¹¹ Из первопечатной Славянской Библии, переведенной с Вульгаты: Тов 13, 10, 11, 16–18.

Но Иерусалим, град Божий, перестает «исповедаться Господу во благих своих» – и карает его Господь за дела рук его. Через пять лет по смерти Соломона Сесак, царь египетский, идет войною на Ровоама, овладевает Иерусалимом и отдает его на разграбление, а спустя полтора века делает то же самое Иоас царь израильский. Рука Божия тяготеет все более и более над преступным городом: ассирийцы берут в плен царя Манассию, а когда не стало наконец в нем праведника, ради которого простил бы Бог граду своему, Навуходоносор разоряет Иерусалим до основания (в 3513 году от сотворения мира), сжигает храм Соломонов и уводит евреев в пленение вавилонское. «Сион яко нива изорется (пишет Иеремия, повторяя древнее пророчество Михея) и Иерусалим яко в путь непроходный будет, в луг дубравный» (Иер 26, 18).

Но через 70 лет умилился Господь и исполнилось пророческое слово: «возвращу пленение людей моих, пленение Иерусалима и воздвигну его, яко исперва». Во время Кира Иерусалим восстает из развалин в 532 году до Р. Х. Зоровавель начинает сие дело восстановления, Ездра и Неемия оканчивают его. Падает Вавилон по пророчеству: «вот народ идет от полунощи, народ великий и цари многие возстают от концев земли». Александр Великий приходит в Иерусалим (в 328 году до Р. Х.) и приносит жертвоприношения в святилище Божию. Но град Божий «не исповедывает Господа, как бы надлежало, о благих своих» и переходит из рук одних властителей к другим. Сначала Птоломей сын Лага становится властелином столицы иудейской. Филадельф обходится с нею великодушно и осыпает храм дарами. Антиох Великий (царь сирийский) отнимает ее у царей египетских и снова отдает Птолемею. Антиох Епифан овладевает Иерусалимом и в святилище ставит идола – Юпитера Олимпийского. Тогда восстают Маккавеи. Оскорбленный поруганием своей святыни, Господь подкрепляет их мышцею своею – они освобождают град Божий, очищают дом Господень. Иерусалим снова делается столицею царства Иуды свободного. Но Иерусалим не оставляет путей неправды: незакониями готовится он все более и более к злодейству неизреченному. Маккавеи Гиркан и Аристовул спорят о короне, не помня сказанного: «И оставят языцы идола свои и приидут во Иерусалим и будут жить в нем», призывают римлян, которые по смерти Митридата сделались властелинами Востока. Помпей, прибыв в Иерусалим, овладевает храмом; Красс отдает его на расхищение своим воинам; римляне остаются во граде Давидовом. Гиркан, под протекциею цезаря, удерживается на первосвященническом месте, но Антигон, сын Аристовула, объявляет ему войну, призывает парфян, вторгается в Иерусалим и берет Гиркана в плен. Тогда Ирод Великий, сановник двора Гирканова, делается властелином Иудеи с помощью римлян, и, взявши в плен Антигона, отправляет его к Антонию. По приказанию римского гражданина привязывают к столбу последнего потомка Маккавеев, законного царя иерусалимского и подвергают бичеванию. Ирод получает титул царя Иудеи, которою в действительности управляют римляне. «Князь от Иуды оскудел»; время пришествия Мессии, предсказанное от века пророками, наступило: рождается Христос в царствование кесаря Августа в Риме, Ирода в Иерусалиме; а в царствование Тиверия совершается на голгофской скале величайшее в свете преступление: Сын Божий распят, – приносится и святейшая жертва: Богочеловек умирает за род человеческий!

На Агриппе, внуке Иродовом, оканчивается царство Иудейское, – Иудея становится вполне римскою провинциею. Бунтуют евреи, с которыми римляне обращаются как с невольниками. Не плачьте о Мне, говорил дочерям иерусалимским Спаситель, идя на вольную страсть, но плачьте о себе и о детях ваших, – и за несколько дней до сего Сам плакал о Иерусалиме. И вот Тит, в царствование отца своего Веспасиана, осаждает Иерусалим и овладевает им (в 71 году по Р. Х.); 77 дней длится осада; 115 000 трупов выносят только через одни городские ворота; кожа со щитов и обуви служит для осажденных пищею; а с увеличением голода едят сено, падаль, наконец мать съедает своего ребенка. У пленников римские воины вскрывают внутренности, подметив, что они проглатывают золото и драгоценности; 1 100 000 евреев погибает в самом Иерусалиме, не считая старцев, женщин и детей, умерших от голода или пожертванных огнем; 100

000 пленных обречены, как невольники, на работы или для украшения триумфа Тита. Европа и Азия дарит их улыбкой презрения в амфитеатрах, где, для увеселения народа, приказывают им убивать друг друга или безоружных пускают на борьбу с дикими зверями. Девы и юноши, моложе семнадцати лет, выставлены на продажу – 30 за один сребреник! Кровь Праведного была продана в Иерусалиме за тридесять сребреников, а народ вопиял: «пусть кровь его будет на нас и на детях наших!»

Во второй раз обширные развалины покрыли холмы, на которых стоял град Божий. Но развалины имели на себе иную, нежели прежде, печать! В их недрах скрывалось знамение Нового Завета, Крест Христов!.. Свет, который пробивался из-под груды этих камней и обломков, достигал далее, чем взоры победителей; блеском своим он разогнал тьму мира и растопил идолов древнего Рима. Прошло еще 50 лет; и опустошение Иерусалима доканчивает цезарь Адриан в войне, в которой погибают более 500 000 евреев, а 50 замков и 1000 местечек сравнено с землею. На развалинах столицы Давидовой возникает новый город, город римский – Елия Капитолина; вход в него запрещен евреям под смертною казнию; на вратах города, ведущих в Вифлеем, вырезано изображение ненавистного им животного; и евреи золотом покупают себе право входа в Елию один раз в год, чтобы плакать на развалинах своей отчизны. Город Адриана построен на том самом месте, на котором стоит нынешний Иерусалим, и по особенному смотрению Божию скала голгофская вошла тогда в его стены. Посреди идолопоклонств и богохульств всякого рода погибает вовсе память о Иерусалиме иудейском, забывают даже, что когда-то существовал он. Во время гонения Диоклетианова один из мучеников отвечает, что он родом из Иерусалима. Префект римский полагает, что он говорит о городе, где-нибудь воздвигнутом христианами. И даже позже, когда Константин Великий ниспровергал статуи языческих богов, стоящие на Гробе Спасителя, а святая его мать украшала Святые места величественными зданиями, даже и когда Юлиан Отступник, 38 лет спустя, собирал евреев для восстановления Соломонова храма, усиливаясь доказать несостоятельность пророчеств Галилеянина, даже в царствование Юстиниана (в VI веке), когда Церковь христианская в Иерусалиме была возведена на степень Патриархата, – в мире гражданском не слышится более названия города иудейского: Патриарх Иерусалимский живет в Елии, городе римском, как о том свидетельствуют христианские путешественники до VII века.

Но вот Хозрой, царь персидский, овладевает Иерусалимом (в 613 г. по Р. Х.), а евреи покупают у него 90 000 пленных христиан и убивают всех. Рим уже давно пал под ударами варваров, ибо надлежало исполниться пророческой угрозе: «прокляты будут те, которые тебя Иерусалим ненавидели, и истреблены будут все, которые ругались над тобою». Горе орудиям кары и мести Божией! Это бичи, которые берегутся лишь, пока истребляются о биемых ими! И Восточная империя стремится к падению. Однако царь Ираклий побеждает персов (в 627 г.), возвращает из плена Древо Крестное и освобождает Иерусалим, но, увы, не надолго! Ибо вот (в 569 г.) родился в Мекке тот, которого преемники дали Иерусалиму новое название. Магомет, сын Абдаллаха, посещает Иерусалим, читает в Библии: «яко несть ин Бог Вседержитель разве Его» (Тов 13, 4), записывает этот стих в Коран и, по преданиям мусульманским, из Иерусалима же отправляется в свое воздушное путешествие. Читатели Корана признают Иерусалим за дом Божий, град святых и чудес, за величайшую святыню и называют его Ель-Кодс. И потому на добытие святыни высылают Омар свои войска (в 636 г.); шадя город, длит осаду и приказывает начать штурм стихом из Корана, который служит им военным кличем: «войдем в Святую Землю, Богом нам обетованную». Лишенные помощи Ираклиевой, напрасно христиане сопротивлялись целые четыре месяца. Елия исчезает с карты света – Иерусалим облачается трауром, – Ель-Кодс распростирается на горах Мории и Сионе! Крест святой скрывается внутри Святого Гроба; полумесяц блестит извне на мечети Омара; смолкают звоны колоколов в Иерусалиме; муэззины в Ель-Кодсе сзывают с минаретов на молитву правоверных читателей лжепророка, – дрожит слабое царство Византийское при виде, какую силу дает вера даже в

ложного пророка, – дрожит, ибо, сделавшись христианским по вере, не перестало быть римским, языческим по гражданскому устройству, роскоши и любви к зрелищам, – дрожит, видя, что заблуждение снова вызывает на борьбу истину, а только одна вера может победить его! Полумесяц становится против Креста – и открывается длинная эра преследований!

В течение двух с половиною веков сменяются в Иерусалиме поколения арабские и турецкие. Оммиады и Аббасиды, Тулуниды и Икчиды, Селевкиды и Фатимиды вырывают друг у друга Ель-Кодс. На Гробе Господнем происходит борьба неверных: то Багдад, то Египет побеждает, а Ель-Кодс принадлежит победившему калифу. Гордость неверных возрастает, – они не знают границ своему фанатизму, преследования умножаются, останавливаются странствования на поклонение Святым местам. Но Гроб Господень не может быть без стражей, – вопль миллионов: так хочет Бог, – распространяется по Западной Европе, – восстают целые народы, – тянутся сухим путем и морем бесчисленные ратники, – крест на груди служит им лозунгом и броней! При виде Иерусалима крестоносцы падают ниц, целуют Святую Землю, приветствуют Иерусалим, разбивают стан; устраивают свои ряды и с условным криком: так хочет Бог – начинают штурм.

Напрасно магометанский Ель-Кодс противопоставляет мужественное сопротивление. Так хочет Бог! – и христианские рыцари вступают в Иерусалим с Готфридом в главе, а окрестные горы долгим эхом повторяют клики о победе Креста. Но, подобно евреям, крестоносцы не исповедуются Господу «во благих своих»; они явились в отношении своих братий по вере – христиан восточных, как в Константинополе, так и во Святом Граде, поборниками той фанатической нетерпимости, которая и донныне отличает в Святой Земле ослепленных поборников папства. Паписты коварно величают свои преступные действия против православных христиан «победою цивилизации над варварством»; в отместку за это ныне другая цивилизация «от мира сего» тем же самым именем величает свою победу над папством; но не желая обратиться от тьмы к свету и от лжи к истине, силится на развалинах папства водрузить знамя всеобщего нечестия и разнузданности, во имя лживого прогресса.

15 августа 1099 года пал Ель-Кодс в пятък в 3-м часу пополудни, в тот самый час, когда Христос предал дух Свой на Кресте; но не протекло еще столетия, (в 1188 г.) Саладин обратно взял Иерусалим, сбросил крест с мечети Омара водрузил на ней символ ислама – полумесяц. Напрасно одни за другими тянутся крестовые походы, сражаются и гибнут христиане; напрасно короли и рыцари с так называемым святым Людовиком спешат на помощь королевству Иерусалимскому: не того хочет Бог! Взаимная ненависть и несогласие вождей крестоносцев, фанатическое преследование восточных христиан, горшее паче магометанского ига, купеческая жадность городов итальянских, спор о титуле Иродовом губят благое по-видимому начинание, ибо не того хочет Бог от христиан, и вот сыны Магомета донныне спокойно царствуют в Святой Земле.

Видно, в плане домостроительства Божья еще не кончилось предназначение Корана на востоке, и снова Ель-Кодс переходит в руки то бухарских мамелюков, то черкесских султанов из Египта; наконец рушилось царство восточное (в 1716 г.), султан Селим покорил Египет и Сирию-и Ель-Кодс обращается в турецкую крепость...

Но вот лет десять тому назад поднимаются новые крестовые походы на Иерусалим, как последняя, отчаянная попытка иезуитов поддержать обреченное на сотрение папство новыми завоеваниями душ; ученики римской пропаганды – миссионеры всех возможных орденов, сестры милосердия разных наименований, по Писанию, «преходят сушу и моря, чтобы сотворить себе единого пришельца» в Святой Земле. Против них, но и не за истину, ратуют миссионеры протестантские, преимущественно из Америки, основывая свое учение на песке человеческих мнений и не имея чем действовать на простые сердца взрослых, ищут уловить в свои сети детей православных же христиан, предлагая им даровое, но чуждое истины просвещение. Цель этих новых крестоносцев та же, что и прежних, – завоевание Святой Земли, моральное и

политическое, для чего прежде надобно «прельстить, аще возможно, и избранных». Что выйдет из этих новых крестовых походов – знает лишь Тот, Кто содержит в своей деснице судьбу царств и народов. Мы уже видели судьбу первых крестоносцев; последствия показали, что не того хотел Бог, чего желали они: послужит ли это уроком их нынешним потомкам? Как бы то ни было, а новое движение это (совпадающее с иными не менее замечательными событиями, в других классических пунктах христианского мира, – Риме и Константинополе) весьма знаменательно и не может быть чуждо интереса и для нас, поздних пришельцев на место этих действий.

С такими-то мыслями подъезжал я к Святому Граду, и, смотря на него, не видел его вовсе; он как бы исчез из глаз моих; передо мною проходили один за другим исполинские образы, из коих в каждом видна рука Божья. И исчезали эти образы один за другим, а мысль не могла их достигнуть. Кто сочтет миллионы убитых в стенах этого города, кто не задумается над вековыми событиями, пронесшимися над Иерусалимом с огнем и мечом, с потоками слез и крови, с опустошениями и пожарами?.. Шумные восклицания вокруг меня: слава Богу! мы приехали! мы в Иерусалиме! и т. п. исторгнули меня из области прошедшего и снова привели мне на память слова Писания о Иерусалиме: «языцы издалече к тебе приидут и дарыносяще поклонятся в тебе Господу Богу и землю твою во святыню вменят».

Первые четыре дня в Иерусалиме русских поклонников

Размещение паломников. – Патриаршая церковь Свв. Константина и Елены. – Вечерня. – Трапеза. – Утреня. – Обряд умовения ног. – Пожертвования. – Разрешительная грамота. – Храм Воскресения Христова. – Вечерня и Литургия в храме Воскресения. – Расселение паломников. – Обедня в Гефсимании. – Георгиевский монастырь. – Пожертвования и траты паломников при посещении Святой Земли.

Во Святой Земле нет того, что мы называем у себя дома, гостиницами¹², заезжими и постоялыми дворами. Мусульманин гостит у своего знакомого или в хане; для христианина гостиницею служит монастырь. Каждый обычно отправляется в монастырь своего вероисповедания и находит там приют и посильное гостеприимство.

С 1859 года в числе первых мер, принятых нашим правительством для улучшения быта русских поклонников Святой Земли, было устройство для них временных приютов в городах Яффе, Рамле, Назарете, где помещение дается безденежно. Приюты эти состоят в заведывании особых смотрителей, под главным надзором агентов общества Русского пароходства и торговли.

В Иерусалиме также заведены временные приюты для богомольцев, но по существующему издревле обыкновению они первые три дня своего пребывания в Святом Граде, пользуются гостеприимством греческой патриархии. По истечении же сего времени прежде размещались по греческим странноприимным монастырям (которые приличнее было бы применительно к нашим понятиям назвать «монастырскими подворьями»), а теперь каждому предоставлено на выбор: просить о помещении на весь поклоннический период в одном из русских приютов, которое дается бесплатно, или по-прежнему помещаться в греческих монастырях с установленною за сие платою.

Опишем первые четыре дня пребывания русских поклонников в Иерусалиме, согласно их собственным показаниям.

¹² Исключение из этого составляет лишь гостиница, содержащаяся в Иерусалиме, впрочем более для туристов, – англичан, американцев и немцев, чем для поклонников, которые останавливаются здесь лишь по крайней нужде или по прихоти.

День первый

Поклонники, о числе и звании коих уже предуведомлена бывает Патриархия заранее яффским вице-консулом, под прикрытием его каваса, провожаются прямо в Патриархию, где и остаются в течение трех первых дней своего пребывания во Святом Граде до размещения по приютам или монастырям.

Прием новоприбывших в архондарике (гостином покое) со стороны греков бывает самый предупредительный и ласковый; их встречают иноки, а иногда сам епитроп патриарший, мастиный старец, митрополит Петры Аравийской, преосвященный Мелетий¹³, довольно свободно объясняющийся по-русски, приходит поздравлять богомольцев с приездом. Первое угощение, по местному обычаю, состоит из глико (варенья), запиваемого холодною водой, рюмки раки (виноградной водки) и чашки кофе. А как большею частью поклонники приезжают в Иерусалим после ночлега в Рамле, под вечер, то после упомянутого угощения и необходимого краткого отдыха приглашают их к вечерне в домовую патриаршую церковь Свв. Константина и Елены, при входе в которую раздают по свече белого воска. Заметим, что при выходе свечи эти отбираются обратно, с платою за каждую в пользу церкви двух левов¹⁴. Церковь Свв. Константина и Елены и теперь еще вполне соответствует описанию оной, сделанному в 1726 году известным пешеходом Барским. «Храм, – говорит он, – того ради во имя Святого Константина есть созданный, понеже баше ктитор и Велокой церкви и монастырю патриаршему и вся он созда; стоит же присовокуплен к стене великия церкви Воскресения Господня, отонудуже на стране левой есть окно (выходит на армянскую галерею) и зрится Гроб Христов и прочии места внутрь. Церковь она ащо и малая есть, но строением гладким и лепотным зиждема, и внутрь побелена вапною или известью чисто без всякого иконописания; по степеням же суть многочисленные повешены иконы, украшения ради, а местные образа обоюду царских врат стоящие вси суть серебром позлащенным покровены, кроме лиц; столп токмо един имать внутрь, имъже поддерживается, не может бо вместити больше, малости ради своей; подножие зело гладким искусным делом сочинено от таблиц мраморных троякого вида: бела, черна и червлена; что же реку о седалище или троне патриаршем и о прочих столпцах и наложцах? Воистинну многие похвалы достойна суть, понеже вся дробным и избранным художеством, бисерным чрепокожием, то есть жемчугом, или перловою матицею и иными драгими костями от рыб морских насажденна и украшена суть»¹⁵. Прибавим, что в этой церкви бывает ежедневное служение: вечерня, утренья и безрасходно обедня, (от трех часов ночи до шести утра), при которой присутствуют все члены Иерусалимского Патриаршего Синода, и сами старцы святители участвуют в этих служениях чтением и пением, а после Литургии, оканчивающейся обыкновенно на рассвете, каждый, по псалмопевцу, «исходит на дело свое и на делание свое до вечера».

По окончании вечерни ударяют в било и зовут богомольцев на вечернюю трапезу, за общий стол, который состоит из маслин, похлебки и каши из риса, или мелкой манной крупы с оливковым маслом; в промежутке блюд подносят каждому, в плоской металлической чарочке, вино домашнего изделия. Прислуживают сами иноки патриаршей обители: послушники, рясофорные монахи и иподиаконы; ужин начинается и оканчивается краткою молитвою, и после сего все расходятся на покой, в отведенные для сего общий архондарик и отдельные комнаты.

¹³ Он помер в 1868 году. Не надо забывать, что эти записки составлены первоначально в 1859 году.

¹⁴ Лев, или пиастр, 5 $\frac{3}{4}$ коп. серебром, делится на 40 частей, называемых *пара* или *паричка*, – монета вроде медной посеребренной шелухи, равная по величине нашей денежке.

¹⁵ См. Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. Ч. 1. С. 310

День второй

В 4 часа пополудни ударяет колокол, призывающий поклонников к утрени в ту же домовую патриаршую церковь, которая бывает в это время прекрасно освещена, и слушают божественную службу до «Бог Господь и явися нам»; когда же начинается чтение кафизм, все вновь прибывшие богомольцы приглашаются в архондарик для умовения ног. Умилительный обряд этот совершается так: мужчин вводят в одну комнату, женщин в другую и приглашают сесть по диванам, стоящим вокруг стен. Один или два из иноков возглашает по-гречески стихиры великого четверга: «Союзом любви связуеми апостоли, владычествующему всеми себе Христу возложше, красны ноги очищаху, благовествующе всем мир» и проч. В это время входят три инока; один держит готовое белое полотенце к отиранию ног; другой, нося сосуд с теплою водой, подставив медный таз под ноги путнику, поливает их водою; третий же, преклоня колена на землю и взяв сперва правую ногу, потирает мылом и оmyвает согретою водою и, отерши полотенцем, лобызает ее, также и левую, но уже не лобызает оную; потом прыскают на руки розовою водою из узкогорлого сосуда (а женщинам оmyвают лишь одни руки). Получивший сию христианскую услугу, если он инок, благодарит уmyвавшего ему ноги поцелуем в плечо или камилавку. Этот умилительный обряд делается в подражание древнему восточному обычаю, повторенному в знак смирения и любви Самим Божественным Учителем нашим над Своими учениками; со стороны совершающих, как хозяев, он выражает любовь к своим гостям-богомольцам и основанную на словах Спасителя апостолу Петру благую мысль, что поклонники принесли в Святую Землю чистое сердце и имеют нужду, после путных трудов, только в омовении ног. После сего обряда поклонники возвращаются снова в церковь дослушивать заутреню, за которой безрасходно следует обедня (обычно начинающаяся после великого славословия).

По выходе из церкви идут прямо в общую трапезу, которая так же, как и ужин, состоит из обычных блюд: маслин, похлебки и рисовой или манной каши с оливковым маслом, причем угощают радушно вином.

Потом все богомольцы приглашаются в патриарший синодик, где обыкновенно в это время заседают: старший патриарший наместник митрополит Мелетий, четыре архиерея и архимандрит, занимающий должность секретаря. Митрополит Мелетий, как умеющий объясняться по-русски, приветствует каждого из входящих, приглашая пожертвовать по своим средствам в пользу бедствующей под игом неверных и обремененной всегдашними долгами Иерусалимской Церкви, и притом записать на поминавание собственное имя и несколько имен ближайших родных, – на поминавание о здравии и за упокой.

Считаем уместным повторить нашим поклонникам добрый совет автора «Вечерних рассказов странника на родине». По этому же самому случаю он говорит: «Здесь каждый поклонник должен пожертвовать как можно более денег, потому что жертвуемая сумма употребляется на содержание храма Воскресения, всех палестинских церквей, братии монастырской и вообще всего православного духовенства, а также и на вспоможение больных и бедных палестинских христиан»¹⁶. Само собою разумеется, что количество взноса не определяется никакой положительной суммой; но как во всяком деле, и здесь образовался род обычая, на который потому мы и обязаны указать: по этому вкоренившемуся от времени обычаю наименьшим взносом со стороны русских поклонников считается золотой (червонец), причем вносится в помянник два имени; одно о здравии, а другое за упокой. Отсюда само собою становится понятным, что и принимающие пожертвования, в свою очередь привыкши к такому определенному взносу, иногда не оказывают видимого сочувствия к меньшему пожертвованию (если не видят, что

¹⁶ Ширяев С. Г. Вечерние рассказы странника на родине. СПб., 1859. С. 102

оно вынуждено крайнею бедностью); тем более, что некоторые из наших богомольцев, по простоте своей, не заботясь предварительно справиться, как и что принято, и положив свою лепту, например рубль или два, почитают себя вправе, как дома, наговорить сколько придет в голову имен своих близких. Растолковать же каждому отдельно, в чем дело, чужеземцам недостает времени, да и совестно; из этих-то частных случаев и происходят взаимные нарекания, которые слышатся иногда со стороны хозяев и гостей. Вот почему мы сочли не излишним предупредить поклонников в назначаемых для них путеводных записках о укоренившемся обычае вносить в этом случае не менее золотого, с правом записать притом в помянник не более двух имен: оба о здравии или за упокой или одно о здравии, а другое за упокой. При желании записать большее число имен прилично увеличить соразмерно сему и приношение. При меньшей же лепте, которая, впрочем, никогда не отвергается и не пренебрегается, достаточно будет записать лишь одно свое имя или имя того, кого особенно желаешь помянуть на молитве у Святого Гроба, и сим ограничиться. Нельзя не заметить одного обстоятельства, более всего порождающего взаимные недоумения и неудовольствия. Случается, что некоторые из наших поклонников, а чаще поклонниц, из числа так называемых «богомолок» по ремеслу, странствующих в Святой Град на собранные деньги, имеют в числе оных и такие, которые не даны им лично, но поручены для отдачи в пользу Святого Гроба, с просьбою записать на поминовение у одного имени жертвователей. Вместо же отдачи денег по назначению, богомолки по ремеслу затрачивают их, и то не по особой нужде или бедности, на покупку чёток, образков и других освященных вещей, с целью, по возвращении на родину, за эти вещицы снова выпрашивать подаяние на продолжение своего странничества. Это не безызвестно Патриархии и особенно преосвященному Мелетию, который, бывши долгое время единственным духовником русских богомольцев, не мог не узнать о сем злоупотреблении доверия от некоторых из поклонников же, приносивших покаяние в израсходовании таких денег. Известность такого злоупотребления бывает поводом, что у некоторых заподозренных поклонников и поклонниц, в предостережение от увлечения ко греху утайки, греческое духовенство, при взносе или пожертвовании, вопрошает иногда: нет ли у них, сверх того, что они внесли, денег, порученных им от других для передачи в святогробскую казну; а они по незнанию языка или не поняв, в чем дело, а иные не стерпев в этом вопросе обличения, – распускают потом между собою оскорбительные для греческого духовенства слухи, что будто их обижают и т. п. Главным же образом происходит это от недостаточного понимания друг друга по языку и от взаимного незнания нравов и обычаев, знание которых бывает лишь следствием долгого опыта и наблюдения. По моему мнению, для отвращения этих недоумений можно было бы, в день собрания Синода для принятия пожертвований от каждой новоприбывшей партии поклонников, посылать в оный одного из членов Русской Духовной Миссии с обязанностью разъяснять поклонникам дело и быть посредником в немедленном устранении каких-либо случайных недоумений. В заключение каждому из поклонников выдается из рук епитропа Преосвященнейшего Мелетия так называемая «разрешительная грамота» – печатный, большого формата (формы наших ученых дипломов и патентов) лист, украшенный широким тисненым бордюром с изображениями в клеймах: по углам четырех Евангелистов, а между ними главных евангельских событий, святых Иерусалимских Патриархов – Иакова и Кирилла. Содержание ее (см. в приложениях) подобно содержанию разрешительной грамоты, влагаемой в руки по уставу Церкви каждому окончившему свое земное странствование православному христианину во свидетельство разрешения и отпущения содеянных в жизни и заглаженных чистою исповедью и покаянием грехов.

Это свидетельство о посещении святых мест утешительно бывает показать по возвращении на родину своим ближним при рассказах о далеком странствовании; вот почему и дорожат им наши богомольцы; а как грамота эта по своему смыслу совершенно тождественна с разрешительной молитвой, по чину церковному влагаемой в руки умерших, то завещают вложить оную себе в руки, «как доброе свидетельство» доброго исповедания на Святых местах нашего

искупления. Есть ли тут что-нибудь похожее на папские индульгенции или прощи, предоставляем судить всякому разумно мыслящему читателю. Тут же в синодике письмоводитель выдает и ярлык для поездки на Иордан на Пасхе в общем караване. Ярлык этот по выходе из синодика предъявляется сидящему на площадке за особым столом архимандриту, причем вносится рубль серебром на наем эскорты или конвоя и за право пользоваться от Патриархии палатками во время иорданской поездки.

Часа через три после сего, около вечерни, поклонники идут в храм Воскресения Господня. Чтобы сократить время нетерпеливого для всех ожидания, иноки Патриархии ведут поклонников сначала в церковь Св. мученицы Феклы, примыкающую к Патриархии; при входе в нее также раздаются свечи, отбираемые при выходе обратно, со взносом по два лева в пользу церкви. Здесь богомольцы поклоняются камню от Голгофской скалы, на которой отпечатлелся след стопы Спасителя.

Наконец приводят поклонников на нижнюю площадку храма Святого Гроба, пред Великие врата; при входе в них раздают свечи и с пением приличествующих стихир обводят по Святым местам, находящимся внутри оного, начиная с камня помазания и Святого Гроба, и оканчивая внутренним греческим храмом Воскресения, в котором остаются слушать вечерню. Обход этот совершается по издревле заведенному чину, напечатанному и на славянском языке под заглавием «Сионский песнопевец»¹⁷. По окончании вечерни с заходом солнца турки запирают врата храма, а новоприбывшие поклонники остаются провести в нем ночь для слушания ранней Литургии на Гробе Господнем.

Греческие иноки, живущие постоянно в храме на страже Святого Гроба, после вечерни приглашают богомольцев в свою трапезу, находящуюся во втором этаже под одним из приделов, расположенных внутрь храма, позади церкви Воскресения; после трапезы богомольцы приходят в архондарик (у подножия Голгофской скалы), где так же, как накануне в Патриархии, игумен Святого Гроба приглашает их записывать для поминовения о здравии и за упокой имена близких сердцу особ, с пожертвованием посильной лепты, на содержание святогробского братства. Нельзя не сделать практического замечания, что здесь поклонники, преисполненные благоговейных чувств от посещения Святых мест, жертвуют иногда более и охотнее, чем в Патриархии. По укоренившемся же обыкновению и здесь наименьший взнос считается русский червонец (золотой), причем записывается на поминовение два имени, хотя, впрочем, и принимают, кто что пожалует. В половине двенадцатого часа начинается утренняя в храме Воскресения; за ней (после славословия) безрасходно следует Литургия на Гробе Господнем, ибо при разделении часов служения греки старались удержать за собой право служить первыми на оном, что согласно и с правилом нашей Церкви: на одном престоле не совершать двух Литургий, – правилом, при настоящем распределении часов нарушаемом (разумеется, с нашей точки зрения) не нами, а армянами и латинами. За нашей Литургией следует армянская и наконец латинская; самолюбие армян и латин удовлетворяется тем, что входящие утром в храм посетители, при первом отвержении врат его, застают на Святом Гробе латинскую службу!..

¹⁷ Сионский песнопевец. Константинополь, 1861

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.